

Павел Кренёв

ДЕВЯТЫЙ

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Павел Григорьевич Кренев
Девятый (сборник)
Серия «Коллекция
военных приключений»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29604535
Девятый / Кренёв П.Г.: Вече; Москва; 2017
ISBN 978-5-4444-9097-6

Аннотация

В поединках снайперов существует единственный вариант: один раз поднять винтовку, прицелиться за доли секунды в заранее определенное место и один раз выстрелить. Других вариантов у снайпера, который охотится на таких же, как он, профессионалов, не существует. Все это хорошо знает майор Николай Гайдамаков, вот только далеко не всегда жизнь позволяет предусмотреть последствия того или иного поступка...

Помимо уже полюбившейся читателям повести «Девятый», печатающейся в новой редакции, в книгу включены и другие произведения автора, не понаслышке знакомого с особенностями воинской службы.

Содержание

Девятый	4
От автора	4
1	21
2	35
3	39
4	44
5	48
6	55
7	62
8	67
9	78
10	80
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Павел Кренёв

Девятый

Девятый

От автора

Признаюсь, что у меня и в мыслях не было браться за столь деликатную и совсем незнакомую для меня тему – единоборство снайперов в реальных боевых условиях. Мало я с этим сталкивался в жизни, хотя и долго служил в специальных службах.

Но вот однажды попал я под воздействие великого владыки всех интриг – Его Величества Случая.

После окончания военной службы офицеру, как это и положено, надлежит проходить полное медицинское обследование, чтобы затем перейти в новое пенсионное ветеранское качество в добром здравии и в хорошей физической кондиции.

Пришлось по такому поводу коротать время – целый месяц – в госпитале, в котором, в силу его специфики, находились на излечении только сотрудники и ветераны органов государственной безопасности.

Через пару-тройку дней стало мне скучновато. С утра еще куда ни шло: всякие процедуры, измерения, беседы с врачами. А потом предоставлен сам себе и остаток дня, и весь вечер, и всю ночь...

В силу того, что увольнялся я с генеральской должности, определили меня в отдельную палату, в которой мне, человеку общительному, было попросту одиноко. Не с кем словом обмолвиться, обсудить события, поговорить о жизни...

И я попросил руководство подселить ко мне какого-нибудь хорошего человека, благо размеры палаты это позволяли. Через малое время просьба моя была удовлетворена. Ко мне в палату пришел и устроился на соседней кровати некий подполковник.

Что о нем можно сказать? Был он для меня, на первый взгляд, совсем не подарок – излишне строгий какой-то, малоразговорчив, этакий бирючок. В госпитале находился с тяжелым ранением – левая рука его, размещенная в полевой медицинской оттяжке, висела, как плеть. По ночам он постанывал, а днем после врачей сидел мрачный, читал какие-то журналы, книжки, был все время хмур и сосредоточен, будто одолевали его какие-то далекие от меня размышления.

На мои попытки посудачить о том о сем подполковник не реагировал, только мрачновато и пристально на меня поглядывал, будто изучал и приглядывался.

Меня это смущало. Обстановка в палате становилась еще более удручающей.

Да простят меня врачи, тогда наблюдавшие за моим состоянием, но я вынужден был в той обстановке пойти на непозволительное нарушение госпитального режима, очень не украшавшего моральный облик меня как добропорядочного пациента. Я совершил самовольную отлучку в город и принес оттуда в палату парочку бутылок хорошего армянского коньяка и какую-то фруктовую закуску. И в первый же вечер соблазнил подполковника, угостив его запретным в госпитале алкогольным напитком.

Молчун не молчун, но он же мужик! И после пятой – седьмой рюмочки подполковник по-хорошему «поплыл». С лица его потихоньку исчезло напряжение, он размяк и начал наконец со мной полноценно разговаривать.

Вначале разговоры были пустые, стандартные для всех военных: кто где служил, откуда прибыл, семья, выслуга... О своем ранении подполковник рассказывал невнятно: явно темнил, попал, мол, под шальную разрывную пулю. Сам виноват...

Но на вечер, примерно так на третий, офицер (назовем его Виктором) начал свой рассказ.

Говорил он медленно, иногда надолго замолкал. Ему крепко досталось на военных дорогах...

Виктор служил в военной контрразведке. Был он заодно видным спортсменом, мастером спорта по пулевой стрельбе, членом сборной общества «Динамо».

И выезжал мой сосед по палате в боевые командировки в

так называемые «горячие точки», в места, где действовали снайперы. Задача его была уникальной – бороться с теми из них, кто по заданию вражеских зарубежных центров убивали в конфликтных, но дружественных России регионах мирных граждан, руководителей областей и республик, военных начальников и тем самым сеяли среди населения панику, возбуждали ненависть народа к своим правительствам. Путем прямого террора они расшатывали местную власть для того, чтобы поменять ее на власть, послушную воле Запада и враждебную нашей стране.

С этой целью западные спецслужбы провели огромную работу по поиску по всему миру боевых стрелков – людей, способных за деньги убивать кого угодно и где угодно. После проведенной с ними работы и вербовки снайперы направлялись в стратегически значимые для России регионы, в которых планировались или уже совершались инспирированные спецслужбами государственные перевороты, громко называемые «революциями». Там снайперы выполняли поставленные перед ними бесчеловечные задачи.

Естественно, спецорганы России не могли остаться в стороне от задачи противодействия развязанному террору. Они оказались на переднем крае защиты наших национальных интересов. Благодаря высочайшему профессиональному мастерству лучших российских снайперов была уничтожена целая плеяда классных вражеских киллеров, сорваны попытки убийства сотен и сотен ни в чем не повинных людей.

Поле битвы для наших стрелков стали Афганистан и Чечня, Приднестровье и Абхазия, Северная Осетия и Дагестан, мирные регионы Северного Кавказа, а также другие территории, где в острой геополитической схватке схлестнулись интересы США, ряда европейских стран и России.

Мой собеседник Виктор воевал со своей снайперской винтовкой почти во всех этих и других «горячих точках», заслужил боевые ордена, знал все опасные тонкости огневых поединков высоких профессионалов. Знал он и то, что, когда в боевых условиях встречаются друг с другом мастера снайперского дела, то один из них обязательно остается лежать на земле. Лежать навечно...

Он мне и рассказал историю из своей военной жизни, которая легла в основу повести «Девятый». Поэтому сюжет ее, за исключением некоторых деталей, вполне реален.

Время летит быстро, стирая из памяти многие события. Многим читателям, особенно молодым, уже сегодня трудно представить условия, в которых действовали герои этой повести. Поэтому думаю, есть смысл напомнить об одном из конфликтов, вспыхнувших на обломках СССР.

Приднестровье... Этот цветущий край в начале 1990-х годов переживал тяжелейшие времена. Республика оказалась в эпицентре противоречий, рожденных не ею самой, а интригой истории, сгустком проблем, образовавшихся в результате развала СССР...

После передела мира, вызванного Первой мировой вой-

ной, в 1918 году Румыния присоединила к себе ранее входившую в Россию Бессарабию. В 1940 году СССР вернул Бессарабию, часть которой стала называться Молдавией, а несколько ее районов отошли к Украине. Приднестровье же, до этого входившее на правах автономии в состав Украинской ССР, было включено в состав Молдавской ССР.

Уже в 1988 году группа молдавских националистов из числа интеллигенции создала так называемый Народный фронт, задачей которого стала румынизация народа: запрет русского языка, переход на латинский алфавит, и последующее присоединение Молдавии к Румынии. В силу того, что население Приднестровья курс на вхождение в Румынию никак не устраивал, в отношениях двух берегов Днестра наметился раскол...

Когда на правобережье в учреждениях, на предприятиях и школах начали чуть не силой заставлять говорить не на русском, а на «румынском», а все документы составлять на «латинице», народ Приднестровья стал выходить на улицы, назревал взрыв возмущения. Осенью 1991 года, выступая против румынизации, бастовали около двухсот предприятий, еще четыреста их активно поддерживали и заявляли о готовности открыто выступить против Молдавии. По республике покатила волна народного протеста. На улицах начались первые открытые стычки сторонников Москвы и Румынии. В сугубо спокойном до недавних времен оазисе межнациональной и межконфессиональной дружбы зарождалась

обстановка ненависти.

Мир тогда разрушался по сценарию, составленному в секретных лабораториях «заклятых друзей» России – США и некоторых западных стран. Главный удар наносился по СССР. Военный, экономический потенциал нашей страны необходимо было сломать с одной только целью: чтобы создать управляемый со стороны Запада однополярный мир во главе с США. Для этого необходимо было разорвать по кускам СССР, растащить его по национальным углам, создать в нем и среди его союзников обстановку неуправляемости, бардака и хаоса. Опытный рыбак знает: в мутной воде рыбу ловить легче, чем в прозрачной. Такая обстановка и создавалась.

Приднестровью – этому вечнозеленому, солнечно-виноградному краю планировалась роль пушистой дрессированной собачки, которая должна была сидеть в молдавской конуре и, что называется, не скулить и не тявкать.

Дальше – больше. В июне 1990 года Верховный Совет Молдавской ССР установил новое название для новорожденного государства – Республика Молдова и назвал незаконным образование Молдавской ССР в 1940 году. Приднестровье конечно же должно было остаться в составе новой Молдовы.

В ответ на это в сентябре Чрезвычайный съезд народных депутатов Приднестровья провозгласил создание Приднестровской Молдавской Республики со столицей в Тирас-

поле.

И пошло, и поехало... В октябре глава правительства Молдовы Мирча Друк сформировал отряд волонтеров, раздал им оружие и повел на штурм приднестровского города Дубоссары. Задачей штурма было взять город и объявить его столицей Приднестровья как части Молдавии. Жители города перегородили мост через Днестр. Волонтеры открыли автоматный огонь по безоружной толпе. Погибли первые граждане Приднестровья, пролилась первая кровь...

27 августа 1991 года Молдова заявила о выходе из СССР, и с этого момента перешла к системным провокациям в отношении Приднестровья. Был арестован Президент Приднестровской республики Игорь Смирнов и несколько депутатов. Все они были помещены в Кишиневскую тюрьму. Начались массовые провокации в отношении руководства и жителей республики.

Появились первые снайперы, стреляющие в городах с чердаков, с крыш, из-за укрытий в местах скопления людей.

Приднестровье ждало помощи от Москвы. Но на московском троне сидел человек, посаженный американцами, и вершил он дела не в пользу России и ее интересов, а в угоду своим американским хозяевам.

И Приднестровье долгое время оставалось один на один со своими кровавыми проблемами...

14 марта 1992 года генерал-лейтенант Юрий Неткачев, командующий дислоцированной в Приднестровье 14-й обще-

войсковой армией, срочно прибыл в село Парканы, где располагался один из инженерных батальонов, входящих в состав его армии.

Перед воинской частью громыхал многотысячный митинг местных жителей, казаков, военных. Главными выступающими были глава Приднестровской республики Игорь Смирнов и председатель забастовочного комитета Галина Андреева. И они, и другие ораторы клеймили позором военное руководство 14-й армии, которое не решается передать оружие гражданам республики и которое оказалось беззащитным перед молдавской агрессией.

Генерал Неткачев тоже пытался выступить перед митингующими, призвать их к порядку, но слова ему не дали.

Галина Андреева пламенными словами призвала людей на штурм воинской части, и народ, смяв караульных и часовых, ринулся на захват складов с оружием.

В течение нескольких минут склады, оружейные комнаты и пирамиды в казармах были опустошены. Из части было вынесено 1307 автоматов и пулеметов, 255 пистолетов и полтора миллиона патронов к ним, а также множество гранатометов с гранатами, мины, взрывчатка, снаряды... Все это раздали затем населению, казакам, бойцам спасательных отрядов, дружинникам.

Оружие ушло в народ и вскоре начало стрелять...

Дело усугублялось предательством со стороны России. Возглавляемая американскими ставленниками, она демон-

стрировала чудеса издевательства над собственным народом.

23 марта 1992 года министр обороны России маршал авиации Шапошников подписал приказ о передаче военного имущества всех воинских частей, расположенных на правом берегу Днестра, Республике Молдова. Ей единовременно перешли в собственность тысячи единиц стрелкового и тяжелого оружия, танки, артиллерия и даже полностью укомплектованный истребительный полк, состоящий из 31 боевого самолета МиГ-29.

Шапошникову при этом было хорошо известно, что Молдова одной ногой тогда стояла в Румынии, а Румыния всей душой стремилась в НАТО. В Россию стремилось Приднестровье, но Шапошников не дал ему ничего, ни патрона.

Такие вот были командиры у страны, которой руководил алкогольный Президент...

Приднестровье, никому не нужное, всеми брошенное, стоящее один на один с Молдовой и Румынией, готовыми ее растерзать, открыто просило поддержки и защиты у России, стремилось даже войти в ее состав. Это его движение всемерно и открыто поддерживал весь российский народ, но руководство страны не получило на это одобрения со стороны США. Виляя хвостом перед ними и в то же время, боясь вызвать гнев собственного народа, Ельцин и его камарилья пытались строить добрые мины перед населением Приднестровья. С этой целью в республику регулярно направлялись

всякого рода делегации. Приезжали туда и вице-президент Руцкой и замминистра обороны Громов, и советник Ельцина Станкевич, и министр иностранных дел Козырев. Все они вещали красивые благоглупости, все обещали «не дать в обиду братский народ», но дело этим и заканчивалось. Никакой помощи Приднестровье не получало.

Более того по ельцинскому настоянию 12 апреля 1992 года между Молдовой и Приднестровьем был подписан протокол о перемирии. В соответствии с ним, например, город Бендеры снял со своей территории блокпосты, разоружил свои военные формирования, а оружие заскладировал в казармах, которые оказались под контролем наблюдателей со стороны Молдовы.

Сразу после подписания перемирия и фактического сложения оружия со стороны Приднестровья Молдова открыла на ряде важных участков артиллерийский огонь. Появились массовые жертвы среди мирных людей, поверивших перемирию.

20 мая в районе поселка Коржево в результате тяжелого артобстрела со стороны Молдовы погибло еще 10 человек.

До июня усилия молдавской стороны были направлены на овладение Дубоссарами. По этому городу, по его защитникам велся каждодневный артиллерийский огонь. 7 июня Молдова обстреляла плотину Дубоссарской ГЭС. Был разбит трансформатор, и 30 тонн масла вылилось в Днестр.

После подхода к Дубоссарам броневых частей 14-й армии

обстановка изменилась. Молдаване решили захватить населенные пункты Бендеры, Копанка и Варница, расположенные на правом берегу Днестра, чтобы вернуться к границам 1940 года и с этими границами войти в состав Румынии.

19 июня молдавская армия пошла в наступление. По всему фронту заработала артиллерия, установки «Град», минометные батареи. В наступление со стороны Молдовы двинулось около 8 тысяч человек. Начались масштабные боестолкновения, уличные бои в Бендерах.

Молдаване наступали активно и решительно, а приднестровцы не имели достаточно сил, чтобы противостоять надвигающейся громаде. 14-я армия в ситуацию не вмешивалась. Командующий армией генерал Неткачев придерживался проверенного армейского принципа: «Не высывайся и не убьют». И армия сидела в своих казармах. Солдаты мирно спали под грохот молдавской канонады и разрывы снарядов, убивающих мирных жителей и воинов Приднестровья...

На ту пору в Приднестровье находился прибывший из Москвы депутат Верховного Совета генерал-полковник Макашов, до недавнего времени – командующий Уральским военным округом. Он вместе с Галиной Андреевой и возглавляемой ею огромной толпой женщин распропагандировал расквартированную в Тирасполе воинскую часть 14-й армии, и по их указанию офицеры и солдаты этой воинской части выгнали из техпарка и повели в бой на молдаван 10 боевых танков и 4 бронетранспортера.

Эта техника помогла выиграть первые бои. Вечером того же дня удалось выбить противника из Бендер. Молдаване впервые понесли тяжелые потери в технике и живой силе.

Но войны это не остановило. Стрельба из всех видов оружия как неизбывный кошмар гремела по всему Приднестровью.

25 июня 1992 года полномасштабные боевые действия начались в районе Дубоссар, где молдавские войска перешли в наступление. Ночью молдаване обстреляли из орудий Дубоссары и Дубоссарскую ГЭС. Огнем был разбит и второй трансформатор, масло из которого также начало вытекать в Днестр. Наступление началось и на Кочиерском плацдарме. В Григориополе артснарядами были разрушены детский сад и жилой дом. Начала действовать молдавская бомбардировочная авиация.

Опять погибли люди, много людей...

27 июня 1992 года приказом ГШ РФ командующим 14-й гвардейской общевойсковой армией, дислоцированной в Приднестровье, был назначен генерал-майор А.И. Лебедь. Офицеры, пожелавшие принять присягу Республике Молдова, в течение трёх дней были переведены в Кишинёв, а 14-я армия передана в непосредственное подчинение ГШ РФ.

Но боевые действия продолжались. Война загрела опять и в Бендерах. В Ленинском районе этого города были разрушены обувная фабрика «Тигина», завод «Прибор», машиностроительный и опытно-экспериментальный заводы.

В этих трагических событиях страдали, прежде всего, простые люди, граждане Приднестровья и люди, потерявшие в войне родных, свой кров, работу, жившие под пулями снайперов, требовали от руководства республики и от военных наведения порядка, возврата к мирной жизни. Около всех органов управления городами не умолкали демонстрации, требующие от властей решительных действий.

Терпение генерала Лебеда закончилось 2 июля, когда опять были обстреляны Дубоссары. Молдавская артиллерия разрушила систему управления турбинами местной гидроэлектростанции. В результате – резкий подъем воды в водохранилище и угроза затопления огромной территории.

По указанию Лебеда разведка армии в срочном порядке уточнила места дислокации важнейших молдавских военных и других стратегических объектов, для чего в оперативном порядке были вновь получены и в кратчайшие сроки изучены разведданные территориальных источников, материалы аэросъемки, агентурные сводки.

Ночью со 2 на 3 июля ударила артиллерия 14-й армии. По заранее намеченным целям (воинские части, штабы, места концентрации техники, аэродромы и т. д.) огонь в течение 45 минут вели 8 дивизионов и 6 минометных батарей.

Молдаване потом в течение нескольких недель разгребали завалы, вывозили убитых и раненых. Боевые действия на этом закончились. Молдавской стороне нечем было больше воевать, артиллерия 14-й армии уничтожила почти всю их

боевую технику...

А генерал Лебедь 4 июля дал историческую пресс-конференцию, на которой назвал президента Молдавии Мирчу Снегура фашистом, развязавшим геноцид против собственного народа, и предложил российскому руководству не ходить за американцами и не попрошайничать, «как козлы за морковкой».

Эти высказывания взбесили Снегура и очень расстроили Бориса Ельцина.

Лебедь на пресс-конференции прямо обвинил президента Молдовы в вербовке снайперов в Литве и Латвии и использовании их в провокационных сепаратистских целях на территории Приднестровья.

После артиллерийского разгрома, учиненного генералом Лебедем, молдавская сторона растерялась и затихла. Лишь местами иногда возобновлялись автоматные перестрелки, но и они быстро прекращались: в атаки больше никто не ходил, в них просто не было смысла.

Упорный в достижениях своей цели Лебедь для того, чтобы развеять последние надежды молдаван на хоть какую-нибудь победу, дал команду открыть огонь агитационными и осветительными снарядами. В рассеянных повсюду листовках содержалось конкретное предложение молдавским войскам срочно разбежаться по домам, иначе все они будут уничтожены. Что они и делали с большим воодушевлением.

И молдавское руководство запросило о перемирии.

Уже 7 июля 1992 года на военном аэродроме в селе Лиманское состоялись первые переговоры о перемирии между молдавской и приднестровской сторонами. В качестве посредника присутствовала и Россия. Ее представляли командующий Сухопутными войсками генерал-полковник В.М. Семенов и командующий 14-й армией генерал-майор А.И. Лебедь. Подписантами были намечены первые шаги на пути установления мира, сами условия и мероприятия перемирия.

Следующим шагом стало подписание в Хельсинки президентами России, Румынии и Молдовы соглашения о прекращении огня в Приднестровье.

А 21 июля стало окончательной датой в процессе установления мира. В этот день в Москве президентами Приднестровья и Молдовы Смирновым и Снегуром был подписан договор о мирном урегулировании военного конфликта и дальнейшем взаимовыгодном сотрудничестве.

Несомненно одно: главная заслуга в установлении мира в данном регионе принадлежит генерал-майору А.И. Лебедю...

Имеется официально утвержденный перечень регионов активных вооруженных действий, на территории которых присутствовали российские или советские военные. Вот он: участники вооруженного конфликта в Афганистане; лица, официально оказывающие военную помощь другим странам; участники Чеченских войн. На текущий момент офи-

циально признанной военной помощью России другим государствам считается участие российских военных в конфликтах в Анголе, Йемене, Египте, Эфиопии, Камбодже, Ливане, Таджикистане, Бангладеш, Алжире, Лаосе, Сирии, Южной Осетии и Абхазии. Планируется к рассмотрению признание ветеранами участников конфликта в Чехословакии в 1968 году. Приднестровья в этом перечне нет...

Я решил не привязывать описываемые события к конкретной стране, городу или к узнаваемому региону, так как все это могло происходить в любой географической точке, где разворачивалось снайперское единоборство, везде, где Россия отстаивала свои интересы: география подвигов наших воинов весьма и весьма широка.

Как гражданин и патриот своей страны не могу не выразить свое уважение к никому не известным сотрудникам российских спецслужб, боевым снайперам, и теперь ведущим смертельный бой с врагами нашей страны, а также свое восхищение их воинским мастерством.

Этот снайпер, скорее всего, был не местным. Но не был, похоже, он и русским, родившимся в здешних краях. Вероятнее всего, он был «солдатом удачи», наемником. У него была хорошая винтовка иностранного производства. Он стрелял не из оружия, украденного со складов стоявшей в этих местах с незапамятных времен Советской армии, а из классного бельгийского или итальянского «винтореза» калибра 7,65 мм.

Николаю Гайдамакову пришлось изрядно им позаниматься.

Снайпер, стрелявший с чужой стороны – с правого берега реки, – за короткий срок создал много проблем для жителей города. За две недели он убил шесть человек из числа мирных граждан и военных. Двое из них погибли на мосту через реку, остальные попали под огонь в прибрежной зоне.

С ним пришлось повозиться. Начальник штаба Самохвалов и начальник Особого отдела дивизии Шрамко уже несколько раз вызывали к себе прикомандированного из Москвы майора Гайдамакова и торопили: «Когда ты наконец разберешься с этим гадом? Обстановка и так сложная, а этот киллер терроризирует население. Получается, что мы людей защитить не в состоянии!»

Николай пытался что-то отвечать, да что тут скажешь –

люди гибнут, а он ничего поделатъ не может...

В поединке с этим снайпером истребитель снайперов Гайдамаков едва не погиб сам.

Очень важная задача – максимально точно выявить, откуда ведется стрельба. Чтобы потом, на огневой позиции, не рыскать глазами и прицелом по всему горизонту. Существует единственный вариант: один раз поднять винтовку, прицелиться за доли секунды в заранее определенное место и один раз выстрелить, если успеешь, конечно. Других вариантов у снайпера, который охотится на таких же, как он, снайперов, не существует...

Николай внимательно осмотрел каждый труп. Человек, посылавший пули, был великолепным стрелком, и винтовка его тоже была великолепной. На расстоянии трехсот метров он попадал только в голову. По входным и выходным пулевым отверстиям Гайдамаков определил примерные места, откуда велся огонь. Таких мест оказалось три. Это были участки правого берега реки, разбросанные по периметру длиной около километра. Однако майору удалось определить места расположения самих огневых позиций с довольно с большой точностью. Они располагались каждая на отрезках берега длиной около пятидесяти метров. Николай с двумя напарниками, проезжая на машине по левому берегу, сфотографировали эти участки метр за метром, используя хорошую японскую технику разрешимостью в пятнадцать раз. Такой пользуются в разных странах вездесущие папа-

рацци. В лабораторных условиях кадры были смонтированы воедино. Получилось изображение трех береговых участков хорошего качества. Снимки были увеличены, и началось изучение мест, где мог лежать вражеский снайпер.

В принципе он мог устроиться где угодно: любое дерево, любой куст или лежащий на земле предмет могли быть его укрытием...

Еще когда Николай учился снайперскому делу, в моду входили экзотические маскировочные одеяла – всякие там «Кикиморы» и «Лешие». В ткань были вшиты химические волокна, очень неплохо копирующие траву, мелкий кустарник, сено, и даже полевые цветочки. В самом деле – укрылся стрелок таким одеялом, растянулся на земле, и иди рядом с ним – не заметишь его лежащего. Плохо только одно – окраска земли везде разная, и если у тебя покрывало под цвет осеннего поля, то ложиться посреди летней травы – это самоубийство. Поэтому Гайдамаков и не использовал никогда этих «Кикимор» и всегда старался вписаться в местный ландшафт, тщательно изучив то место, откуда надо было стрелять.

Долго всматривался Николай в рельеф противоположного берега, отображенного на фотоснимках, долго искал лежку снайпера, которого необходимо было «погасить» в самые короткие сроки. Ему и самому было странно, но никогда он не говорил даже самому себе: «Я убил снайпера», «Я застрелил снайпера». Нет, только «погасил». Откуда пошло это, май-

ор не знал. Может, из нежелания произносить слово «убил» по отношению к человеку. Все же: убил человека! А может быть, исходя из внутреннего уважения к равному себе противнику, человеку такого же ремесла, тоже мастеру своего дела – хитрому, искусному профессионалу. Так охотники-промысловики Севера и Сибири никогда не скажут: «Я убил медведя», – не станут этим бравировать, а только тихонько промолвят: «Было дело, положил я его». Или: «Добыл зверя», но не «убил».

Когда Николай изучал местность и разыскивал место огневой позиции противника, он обязательно прислушивался к самому себе: а где бы я сам расположился? И это всегда облегчало задачу, потому что все снайперы мыслят примерно одинаково.

Вот они на фотографиях – участки противоположного берега, откуда велась стрельба. Ни там ни тут ничего примечательного, везде примерно одинаковый пейзаж: невысокий отлогий берег, редкие деревья, чахлый кустарник, торчащий, словно пучки волос на лысине.

Где может укрываться снайпер?

Вопрос этот наисложнейший, так как он может укрываться везде – за любым бугорком, кустом и деревом. Казалось бы, все просто: спрятался за каким-нибудь объектом и, когда цель появилась, – выдвинулся, прицелился и выстрелил. Но опытные снайперы знают: так могут себя вести только школяры-первогодки. Появиться из-за укрытия снайпер может

только когда вокруг идет бой, когда пальба со всех сторон и на тебя не обращают точечного внимания. В условиях охоты на людей в мирное время любому снайперу известна железная логика: как только ты создал новую выпуклость над земельным контуром — в эту выпуклость, то есть между глаз стрелка, немедленно прилетит пуля. Каждый стреляющий по противнику и уже засветившийся трупам снайпер знает: за ним идет охота! Поэтому, если он хочет остаться в живых, не должен торчать над землей ни своей башкой, ни ушами, ни задницей. Надо уметь слиться с землей, травой, кустами и деревьями, подчас буквально быть внутри их. Во время многочасовых лежек на боевой позиции надо иметь силы и такую подготовку, чтобы не сделать ни одного неосторожного движения, чтобы не уснуть от усталости, совладать с естественным волнением, даже предусмотреть, как по малой нужде ходить под себя неподвижно и не создавая сырости...

Николай Гайдамаков, исходя из собственного опыта и, наверное, интуиции, определил на фотографиях места, где мог прятаться «солдат удачи». В первом случае, это, скорее всего, была небольшая свалка старых автомобильных шин, валявшихся бесформенной кучей на противоположном берегу. Почти наверняка, эту свалку создал сам стрелок, натаскав в одну кучу с десятков покрышек, валявшихся по разным городским канавам.

Вторая лежка могла прятаться за небольшим, но довольно густым можжевельным кустом, торчащим на покатой вер-

шинке небольшого холмика. Скрываться за такими кусточками Николай любил сам. Сзади куста – наверняка короткая траншейка, вырытая ночью саперной лопаткой, чтобы можно было незаметно подползать, а в случае необходимости и уползать за пригорок.

Над третьей возможной стрелковой позицией Гайдамаков гадал долго, но к окончательным выводам так и не пришел. Это был почти голый кусок местности на чужой стороне перед мостом через реку. В самом деле, где тут мог укрыться снайпер? Узкий сектор обстрела, территория вся хорошо просматривается. Мало кустов, почти нет деревьев, чахлая трава. На земле кучки песка, бруски да доски, мусор, оставленный весенним половодьем. На поверхности выделяется только неведь кем брошенное метровое бетонное кольцо. Из таких составляют колодцы. Может, уж полста лет стоит тут всеми забытое. Прятаться внутри – это бред! Только младенец там спрячется с игрушечной винтовочкой.

Но откуда-то отсюда снайпер убил двух человек. В общем, третью позицию, даже сугубо приблизительно, Николай так и не определил...

А ночью, точнее рано утром, «Румын» (так Николай сам для себя почему-то обозвал чужого снайпера) вновь убил человека. Житель Крайска пошел спозаранку погулять с собакой и домой не вернулся. Был он пенсионером, поэтому и вышел в самую рань. Известно ведь – пенсионеры встают рано. Убитый лежал рядом с прибрежной дорожкой, головой

к воде. К губе прилипла потухшая сигарета. А рядом сидела и скулила собака – ирландский сеттер. Из пробитой головы вытекло совсем мало крови, так как сердце остановилось мгновенно, смерть наступила сразу.

Начштаба дивизии Самохвалов по телефону выругал Гайдамакова самыми скверными словами. Сказал, что у него делегация от населения. Люди скандалят – армия бросила гражданское население на произвол судьбы, ему звонят из штаба армии, грозят карами и тэдэ. Дал два дня сроку. Даже пригрозил:

– Если не разберёшься с этим ублюдком, то я с тобой самим разберусь! Ты, майор, совсем мышей ловить перестал. На хрена такие прикомандированные?! Всю картину мне портишь! Чего молчишь?

– Не знаю, чего и сказать, товарищ подполковник. Виноват...

– Два дня!

И бросил трубку.

Подполковнику надо получать очередную, третью звезду, а Николай, получается, тормозит этот процесс. Что тут поделаешь? Армия она и есть армия...

Где гарантия, что «Румын» вновь выйдет на охоту в эти два дня? Может, с девушкой загуляет, или в запой уйдет, или в бане засидится. А может быть, как раз в эти два дня у него проснется совесть, и он перестанет убивать людей.

Хотя вряд ли. Наемным снайперам тоже ведь отчетность

необходима правильная. У них тоже кто-то над душой стоит и тоже нудит: давай трупы, давай! Зря мы тебе деньги такие платим!

Прямо посреди этого же дня Николай взял напарника – молоденького лейтенанта из дивизионной разведки Виталия Нефедова и пошел с ним к гастроному. Там они купили четыре бутылки пива и пару рыбин копчёной скумбрии. На заднем дворе прихватили три пустых деревянных ящика из-под каких-то консервов, и пошли примерно туда, где недавно снайпером с противоположного берега были застрелены три человека. Напротив, на другом берегу, на пригорке, чуть виднелся можжевельниковый куст, из-за которого, скорее всего, и велась стрельба.

Логика у Гайдамакова была проще некуда: «Румын» должен поменять позицию. А их у него еще две – у куста и там где-то рядом с мостом, в месте, пока что точно не установленном.

Выбора особого и не было. Николай решил сделать засидку здесь.

Они расставили ящики на открытом берегу, на небольшом пригорке, совсем рядом с водой. Два ящика, как стулья, один – посреди – как стол. Потихоньку разделали рыбу, разлили по пластиковым стаканам пиво и долго сидели, судача о том, о сем.

Николай изучал обстановку.

От этого вот ящика, что расположен повыше, идет поло-

гий спуск к противоположной от берега стороне – здесь можно прорыть к ящику короткую канавку. За ящиком заляжет напарник и будет изображать из себя снайпера, будет при- манкой.

Где же залечь ему?

Ага, вот. Метрах в тридцати на берегу стоит толстая сосна. Рядом со стволом травка – мятлик да клевер. Теперь понятно, чем маскировать самого себя и винтовку. Хотя Гайдамаков сильно не любил делать позиции за деревьями и пнями. Его любимые места – почти ровные, совсем неприметные, неожиданные, где глазу зацепиться не за что.

Того, что «Румын» будит стрелять по ним сейчас, Николай не боялся. Тот «солдат удачи» охотился, как показала практика, только вечером, в начале сумерек или ранним утром. То есть когда на берегу гарантированно нет посторонних людей, а есть лишь одиночные мишени.

Гайдамаков хотел сейчас лишь одного – чтобы «Румын» все же увидел, откуда появились ящики на противоположном берегу.

Когда они уходили, Николая озаботила еще одна мысль: лишь бы ящики кто-нибудь не спер...

В городе, на травянистом дворе, он нарвал мятлика и клевера, завернул их в бумагу, дома уже вечером аккуратно закрепил траву и цветы на масхалате, а вдоль ствола и цевья своей СВД примотал их зеленой простой ниткой: капроновые при луне дают легкие блески и слегка отсвечивают.

В начале ночи, когда на реку и ее берега упала плотная темень, они с Нефедовым выдвинулись к выбранной позиции.

Гайдамаков помог напарнику подготовить ложную огневую точку. При почти абсолютной тишине они вырыли саперными лопатками окопчик, в котором лейтенант смог бы лежать, растянувшись во весь рост и надежно спрятав тело. Землю накладывали в плащ-палатку и высыпали поодаль. У ящика, расположенного в торце окопчика и лежащего вверх дном, Николай аккуратно выломал нижнюю дощечку и в проем просунул винтовку Нефедова. Снайперский прицел специально выдвинул слегка вперед, чтобы его ничего не заслоняло. Задача Нефедова – лежать на дне окопчика, не высовываться и лишь по команде, держа винтовку за ремень, слегка колебать прицел, создавая блики от оптики. Со стороны полная иллюзия, что снайпер хорошо замаскировался за ящиком и его сложно обнаружить. И в то же время опытный стрелок с того берега его разглядит сразу. Чего и требуется.

Сам Николай лег за сосной. Так же вырыл траншейку, надежно укрыл в траве свою старую, верную СВД. Проверил, достаточно ли выдвинута бленда у прицела – это чтобы передняя линза не мерцала в утреннем свете. Затвор передернут еще до выхода на позицию, и патрон дослан в патронник. Ближе к утру, когда запоют первые птицы, он снимет предохранитель, и этот негромкий металлический звук затеряется в шуме воды, ветра и птиц. Каждый металлический щелчок на боевой позиции может привести к гибели: с недавнего

времени снайперы, воюя друг с другом, стали применять звукоулавливатели – черные тарелки, похожие на репродукторы военных времен. Сидит ночью снайпер, готовясь к утренней охоте, и, надев наушники, изучает все звуки перед собой. Метрах в двухстах слышно, как мышка с мышкой пересвистываются в своей норке. Неосторожный металлический звук означает, что напротив засел враг и готовит винтовку к стрельбе...

Гайдамаков снабдил Нефедова переговорным устройством системы «Конверс». Очень удобная штука: легкий приемник в кармане, на ухе наушник, перед ртом маленький микрофон. Прекрасно ловится разговор шёпотом.

Залегли они конечно же слишком рано. Гайдамаков почти не сомневался, что «Румын», если он вообще сегодня придет, появится только перед рассветом. Все просто: у него все давно готово, к позиции он привык, хорошо знает местность, и он удачлив, у него нет ни одного сбоя.

А у Гайдамакова все наоборот – он здесь первый раз.

Пять часов полудремы, полубодствования. Короткие, контрольные переговоры с Нефедовым, напутствия: «Не высовывайся», «Действуй только по команде».

Он лежит сзади Нефедова, чуть сбоку, в тридцати метрах, его лежка метра на два выше окопчика лейтенанта.

Вот и засерело утро. Где-то ниже по течению отдаленно, но четко завывоваривал свою длинную песню первый петух. На том берегу защебетала проснувшаяся от утренней про-

хлады птаха. Долго еще стояли сумерки, и солнце пока и не думало подниматься, но на востоке, со стороны темнеющего города, уже выползло на белый свет и разливалось по небу по всей его ширине раннее утро. Над рекой поплыли беле-ые комья тумана.

Противоположный берег просматривался с трудом. Мож-жевелового куста долго не было видно. Но вот сквозь утрен-нею сырость стали проглядываться его очертания.

Гайдамаков легким шёпотом дал команду:

– Пошевели прицелом.

И Нефедов послушно поводил винтовку за ремень из сто-роны в сторону.

Николай внимательно вглядывался сквозь цейссовские стекла в очертания куста. Все в нем было, как и накануне – никаких изменений, никаких неестественно торчащих вето-чек. Куст как куст!

– Замри, – приказал Николай.

Лейтенант приказ исполнил.

Никаких движений на той стороне. Минут через десять еще команда:

– Пошевели...

Прицел Нефедова опять стал шевелиться, будто на бере-гу он искал цель – типичные действия снайпера, вроде бы хорошо замаскированного, но не знающего ничего о своем объекте.

Вдруг с левой стороны куста, в самом его начале, будто

бы тронулись веточки. И замерли. Потом медленно-медленно поплыл целый пучок веточек и показался маленький кружок с пустотой внутри. Прицел!

Гайдамаков мгновенно поймал прицел «Румына» в перекрестье своего прицела. Но где голова, голова где? Виден только прицел... И тут на другой стороне кружочка поползло что-то серо-зеленое и круглое.

«Вот и голова», – подумал Николай и нажал на спусковой крючок. Все он делал автоматически: и упреждение сделал ниже (маревое реки поднимает изображение) и на два сантиметра правее линзы прицелился. Пуля его попала в переносицу «Румына».

Уже нажимая спусковой крючок, Николай отследил вспышку винтовки «Румына». Тот выстрелил на сотые доли секунды раньше. И пуля его ударила прямо в линзу прицела лейтенанта Нефедова. Благо тот лежал на дне окопчика, и свинец пролетел над его телом. «Румын» был прекрасным стрелком. Силой удара пули винтовку лейтенанта отбросило назад.

В Крайске не было события, о котором не трещали бы торговки на городском рынке. Для них никаких тайн не существовало.

В этот же день специально отправленные на рынок жены офицеров принесли весть: на той стороне убит какой-то снайпер, и руководство недавно ставшей независимой республики будет оправлять его труп на родину в Румынию.

Николай потом удивлялся: надо же, как он угадал его национальность!

А начштаба Самохвалов потащил Гайдамакова к командиру дивизии, и тот в присутствии своих заместителей и начальника особого отдела Шрамко объявил Николаю благодарность и обещал представить к правительственной награде, сказал: «За выполнение серии ответственных заданий».

– Наконец-то, – радовался он, – наша дивизия разобралась с еще одним опаснейшим врагом.

Лейтенант Нефедов по просьбе Николая также был поощрен.

Крайский рынок в период после развала Союза представлял собой форменный балаган. В шумном многоголосье, ви-сящем над этим центральным городским районом, слышалось вавилонское разноязычье. Толпы горожан и приезжих бродили вдоль сбитых из чего попало торговых рядов, и продавцы – торгаши и торговки на ломаном русском языке с молдавским, украинским, прибалтийским, белорусским, еврейским акцентом кричали им о несомненных прелестях и достоинствах своего товара. Здесь можно было купить все, начиная от зубочистки и кончая современной американской фугасной бомбой. Вовсю процветала почти нескрываемая торговля наркотиками и стрелковым оружием. Особенно в ходу были пистолеты ТТ и автоматы Калашникова. Это оружие оголтело растаскивалось со складов российской армии. Было бы странно, если б складывалось по-другому: военным почти не платили жалованье, а семьям надо было на что-то жить...

Николаю Гайдамакову нравилось бывать здесь. Почти всегда, получив свободную минуту, он шел сюда, на рынок. Здесь, в этой шумной разноголосице, как-то по особому ощущался дух времени, жизненный пульс целых регионов, окружающих эти места. В своих разговорах люди судачили о непростой нынешней жизни, и Гайдамаков узнавал, как жи-

вется на Украине, в Прибалтике, в Молдове, в разных концах недавно ещё необъятного Советского Союза. Там, где царит торговля, как правило, нет национальной вражды, там владычествует интернационал и веселый вкус наживы и обмана...

Глаза у подростка были вытаращены, в них сверкал ужас, рот был скособоченно распахнут. Он летел среди толпы, запинаясь, натываясь на людей. Летел прямо на Гайдамакова. Рубашка на плече разодрана, в левой руке кусок говядины с торчащей сбоку костью. Правой рукой, как мог на бегу, мальчишка расчищал себе путь в людском потоке. Сзади в метрах сорока бежал мужик восточного вида, полный, тяжело дышащий, с кровавыми пятнами на грязном фартуке и, размахивая мясорубочным топором, нечленораздельно, визгливо выкрикивал проклятья в адрес воришки.

Николай резко ушел в сторону, подросток и визжащий мужик с топором пронеслись мимо.

– Его надо было остановить! Почему вы не остановили его? – женский голос прозвучал совсем рядом.

Это была торговка шерстяными изделиями. Белокурая и довольно стройная, она осуждающе, почти с возмущением глядела на Гайдамакова.

– Эта шантрапа все время чего-то у нас ворует. Их надо наказывать!

Николай ничего не стал ей доказывать, чего-то разъяснять: мол, пожалел оборванца, голодный ведь... Да и этот

мужик с топором, зарубит еще...

Уже на обратном пути вспомнил: надо купить свитер из хорошей шерсти – ночью бывает прохладно лежать на голой земле. Как-то так получилось, что опять попал к той же блондинистой торговке.

Невольно подумалось: вот сейчас опять начнет выговаривать, укорять за того парнишку, но та промолчала, даже, как показалось, слегка улыбнулась ему краешками губ.

Она помогла ему выбрать свитер.

– По-моему, – сказала женщина, – вам подойдут эти цвета. – И протянула ему свитер бело-синих тонов. – Это толстая, но очень качественная ручная вязка. Зимой вам будет тепло.

В интонациях ее речи явно звучал прибалтийский акцент – она очень мягко произносила букву «л». А в голосе звучала женская, именно женская забота.

Николай, после того как от него пару лет ушла жена, совсем позабыл, как звучит она – женская забота.

Он купил у торговки свитер и теплые носки и ушел к себе в офицерское общежитие во вполне хорошем настроении.

А через два дня вернулся на рынок. Нашел нужный торговый ряд и тот прилавок.

– Здравствуйте, – обрадованно сказал Николай. – Вот я к вам и вернулся.

Странно, но она его узнала.

– И это очень хорошо, что вы ко мне решили вернуться. Я

рада. – И улыбнулась настоящей улыбкой. – Мне нравится, когда мужчина возвращается.

В конце рабочего дня Николай зашел за ней, и потом они долго-долго бродили по набережной, по тенистым аллеям прибрежного парка и долго-долго говорили.

У них оказалось много общих тем...

Снайпер шел к своей огневой позиции, к своей засидке. Шел он уверенно, спокойно, мурлыча глупую песенку. Ни чем он не выделялся от остального населения: обычная, не праздничная и не грязная одежда, через плечо легкая сумочка, в глазах ни тревоги, ни суеты.

Случись сейчас на улице драка, или скандал, или несчастье у кого-нибудь – он бы прошел мимо. Снайперу, работающему днем, нельзя ни во что вступать, нельзя мелькать и хоть чем-то запоминаться в глазах прохожих. Потом его никто не должен вспомнить. Прошел и исчез, нет его и не было.

Перед тем как зайти в подъезд, снайпер вышел на площадь, сбоку которой и стоял нужный ему дом. Вот так вот снайперы и выискивают места для стрельбы по мирным жителям – они выходят в город, в места скопления людей и прямо из этих мест, из людской гущи вглядываются в окружающие дома, в крыши, в чердачные окна и продушины, форточки, голубятни... Смотрят, откуда можно наиболее неожиданно и незаметно выстрелить, а потом также незаметно скрыться, уйти от человеческого глаза.

Он здесь еще не работал, поэтому не надо опасаться встречного огня из дома, что напротив его засидки. Здесь все спокойно.

Только откуда-то из-за города доносятся глухие удары ар-

тиллерийских взрывов, а в самом городе то ближе, то дальше хлестким барабанным боем трещат автоматные очереди, щелкают отдельные винтовочные выстрелы. Это идут уличные перестрелки с пробравшимися с правого берега боевиками и провокаторами из местного населения.

На площади в клумбах растут цветы, вдоль двух аллей шелесят листвой каштаны. Народу совсем мало: бабушка медленно бредет с коляской – выгуливает подрастающее поколение, снуют редкие прохожие, около проезжей части солдатик стоит у служебного уазика и, склонившись над мотором, что-то в нем ковыряет.

«Вот и мишень», – подумал снайпер и пошел к своей засидке.

Этот снайпер работал в Крайске уже несколько месяцев, с самого начала всей этой заварухи, и неплохо знал город. Ему даже нравился этот, весь покрытый деревьями и садами, вишнево-каштановый, сиренево-грушевый душистый город с его сугубо мирным, добродушным, совсем не предрасположенным к войне населением.

Снайпер и сам бы хотел когда-нибудь пожить в таком уютном, южном, винном городе среди неагрессивных людей, напоминающих добрых персонажей глуповатых детских сказок. Но это когда-нибудь потом.

А сейчас у него совсем другая работа.

Снайпер любил многоподъездные дома. И всегда работал там, где подъездов не меньше трех. Уж совсем в крайнем

случае – не меньше двух. В один заходишь и стреляешь, в другой уходишь. Нельзя заходить в подъезд и уходить из него же: очень высока вероятность, что на входе или на выходе тебя запомнят и потом приметы разойдутся по всем отделам милиции.

Кроме того, окно, из которого стреляет снайпер, почти всегда засекается кем-то из прохожих. Потом, естественно, весь подъезд будет поквартирно опрошен: может быть, кто-нибудь чего-нибудь заметил и запомнил.

Он сначала зашел в подъезд, из которого собирался уходить, поднялся на последний этаж, проверил, не повесил ли кто замок на чердачный люк. Нет, все было нормально.

«Обыкновенный советский бардак, – подумал снайпер. – Но это и хорошо. Это так облегчает мою жизнь...»

Он спустился вниз, прошел вдоль дома и поднялся наверх.

В Крайске еще не изжилась привычка послевоенных советских городов – держать голубей. И они живут на многих чердаках. Для него это было всегда большой проблемой. Во-первых, от этих птиц на чердаке ужасно грязно, обязательно измажешься в свежем помете; во-вторых, за голубями, как правило, присматривает какой-нибудь сердобольный чудак. И этот чудак может неожиданно нагряться. Его тоже придется застрелить, а это уж совсем лишние хлопоты... В-третьих, когда ведется прицельный огонь, голуби пугаются хлопков выстрелов и создают страшную суматоху. Сразу видно, где, в каком месте работает снайпер.

На этом чердаке голубей не было.

Снайпер пошел в торцевую часть чердака. Там, в углу, он отодвинул от стены пару старых пыльных горбылей, отогнул край примыкающего к стене рубероида и достал спрятанную позавчера ночью винтовку.

С винтовки и прицела он снял мягкой тряпочкой пыль. Ну, славный мой «Сваровский», поработай!

Он отогнул ржавые гвозди на чердачной раме, вынул стекло и в образовавшийся проем просунул винтовку, после чего взгляделся в прицел, выискивая цель. Снайпер решил для себя, что убьет сегодня трех человек – вполне хватит, чтобы неплохо заработать, поддержать свою репутацию у вербовщика стрелков и создать шум в городе, возбудить панику, чтобы народ свободно не разгуливал по бульвару. Война ведь, чего они разгулялись...

Ну, где же вы, мишени?

Вот он солдатик... Все ковыряется в своей нескладухе. Сейчас, подожди немножко и отдохнешь. Бабушка гуляет... А может, того, кто в коляске? Почему бы и нет, бабушка уже отжила свое...

Вот еще цель! Вот она – парочка милуется на скамеечке. Как ты к нему прижалась, девочка... Долюбите друг друга на том свете...

Солдатик сначала уткнулся прострелянной головой в мотор, потом медленно сполз на асфальт.

Когда молодой человек дернулся и вскрикнул, девушка не

сразу поняла, что произошло, и нежно погладила то место на груди у него, откуда вдруг потекла красная жидкость. Она подняла руку к лицу и уже начала кричать, как ей в голову ударила пуля.

Она уронила свое лицо прямо на то место, откуда из груди парня хлестала кровь.

«Хорошая работа!» – подумал снайпер и спокойно пошел на выход. Через два подъезда.

А бабушка, проходя мимо влюбленной парочки, слегка отвернула голову, ей не хотелось нарушать покой влюбленных. Она ведь и сама была когда-то молодой...

Тихим летним утром в штаб армии, находящийся в городе Крайске, вошел батальон десантников, прибывший с аэродрома Чкаловский, что под Москвой, и рассредоточился по всему зданию. Десантники оттеснили часовых и сами стали контролировать вход и выход военных. Вся операция очень напоминала военный захват штаба армии боевой десантной группой...

В 14 часов того же дня был собран весь руководящий состав армии: заместители командующего, начальники родов войск, служб, самостоятельных управлений и отделов.

Вдоль стен через два-три метра стояли десантники в голубых беретах и с оружием. Собравшиеся офицеры и генералы смотрели на все это с тревогой и удивлением.

Все сидели, а по большому кабинету вышагивал высокий полковник в полевой десантной форме и выкуривал сигарету за сигаретой, нещадно дымя во все стороны.

В кабинете командующего курить категорически запрещалось – Ткаченко болезненно не любил табачного дыма. Сейчас он сидел в своем кресле бледный, потухший и с трудом скрывал, как ему все это не нравится.

В зале висело молчание и ожидание неизвестно чего.

– Здесь есть какая-нибудь пепельница? Неудобно ведь пепел на пол встряхивать. Мы же культурные люди, – сказал

вдруг полковник слегка раздраженно. Сказал спокойно, но таким неожиданно густым басом, будто над притихшей землей прогремел раскатистый гром.

Командующий армией вскочил и побежал в комнату отдыха искать пепельницу. Не нашел, но вернулся не с пустыми руками. Принес баночку от майонеза и вручил ее полковнику.

Как будто сообразив, что ему разрешили говорить, Ткаченко выпрямился, вытянул руки по швам и представил полковника:

– Товарищ Гусаков из Министерства обороны. Командирован сюда, чтобы разобраться с обстановкой и доложить ее Президенту страны Борису Николаевичу Ельцину...

Собравшиеся стали переглядываться: чего это генерал, командующий армией, так расшаркивается перед каким-то полковником? Но шила в мешке не утаишь – кто-то чего-то слышал, кто-то чего-то вспомнил, а кто-то уже с ним встречался на военных перекрестках...

По рядам прошел шепот:

– Это не полковник Гусаков, а генерал Селезнев, заместитель командующего ВДВ, специалист по горячим точкам...

И многие заулыбались: «А-а, теперь маскарад понятен... Смена приехала...»

Разговор был нелицеприятным, жестким. Гусаков-Селезнев говорил характерным громовым басом, очень спокойно и четко. Фразы формулировал по-военному лаконично,

очень доступно, предельно четко выражал смысл того, что хотел донести до собравшихся. Будто читал наизусть текст Боевого устава.

– Ставлю задачи, согласованные с Президентом Российской Федерации, – говорил он, сидя в торце стола рядом с Ткаченко. Голос его гремел по всему кабинету и громовыми раскатами гулял под потолком, падал вниз на головы офицерам. Оттого многие сидели съезжившись. Гром этот был непривычен в обычно тихом кабинете командарма.

Было сформулировано пять задач, направленных на остановку кровопролития, эвакуацию семей военнослужащих, обеспечение контроля за сохранностью складов с оружием и т. д.

Уже в конце совещания голос «полковника» еще более посуровел.

– Почему практически на территории расположения армии беспрепятственно действуют провокаторы-снайперы? Буквально вчера, накануне моего приезда, прямо в центре города снайперами убито три человека. Один из них наш военнослужащий. Это что меня так встречают? В качестве издевки? Или всегда у вас тут прямо под носом такая бойня процветает? Кто комендант? Доложить остановку!

С места вскочил и сразу же вспотел комендант Крайска полковник Борман. Невысокого роста, лысый, с круглым красным лицом, он явно перетрусил, не выдержал важности момента и начал что-то говорить путано и неконкретно.

– Мы принимаем меры, товарищ, э-э генерал, извиняюсь, полковник. Товарищ полковник, мы наведем порядок в ближайшее время, обязательно это сделаем, товарищ полковник.

«Гусаков» поглядел на него с усмешкой.

– Да уж сделайте, сделайте... Эти снайперы сеют панику среди населения. Недалеко до социального взрыва. Люди видят, что мы элементарный вопрос решить не можем – обеспечить мало-мальскую безопасность.

«Гусаков» раскурил очередную сигарету, выдохнул огромное облако дыма и отдал приказ:

– Даю вам, полковник, две недели на организацию борьбы со снайперами и на кардинальное решение этого вопроса.

Он помолчал и сурово добавил:

– Предлагаю решить этот вопрос надлежащим образом, если дороги вам ваши полковничьи погоны. Садитесь.

Борман надрывно крикнул: «Есть!» – плюхнулся на стул и стал торопливо и тщательно вытирать платком потное и красное свое лицо.

Для майора Николая Гайдамакова начались кошмарные времена. Как всегда, все прежние заслуги были забыты. Каждый день с утра до вечера вопросы: «Что сделано? Почему до сих пор стреляет чужой снайпер? Доложи, Гайдамаков, чем ты занимаешься целыми днями?»

И так далее и так далее.

Начальник особого отдела Шрамко ежедневно в восемь утра вызывал Гайдамакова к себе, подробно расспрашивал о проделанной работе, вечно находил придирки: и то ему не так, и это надо было по-другому. Через день по вечерам – совещания у начальника штаба дивизии Самохвалова. Тот вообще сильно нервничал – на него крепко давили сверху – из штаба армии. Говорили, что вопрос стоит на контроле у самого командарма. Мол, он сильно озабочен своей репутацией: горожане боятся выходить на улицы, и очень недовольны военными, которые не могут навести порядок. Отсюда – жалобы в Москву, грозные звонки из Минобороны...

– Ты, Гайдамаков, видно, думаешь, что синекуру здесь нашел? Зря так думаешь! Не успели наградить – ты и расслабился.

Николай пытался что-то объяснить, как-то защититься:

– Если бы он из одного окна стрелял, я б давно уже с ним разобрался. А тут весь город у него в распоряжении. Он по-

зиции меняет, сволочь, каждый день разные. Ну как я его один найду, когда домов тысячи?

Раздосадованный упреками, Гайдамаков на этот раз стал горячиться:

– Где эта хваленая кагэбэшная и эмвэдэшная агентура? Где сотни этих нахлебников? Почему они не рыщут по чердакам, не помогают нам в поиске? Где в конце концов опора правоохранителей на массы? Только на бумаге?

Самохвалов возмущенно вытаращил на Николая и без того выпуклые свои глаза и начал протяжно, с менторскими интонациями, почти по-стариковски выговаривать:

– Ты, товарищ майор, кто у нас? Паникер? Провокатор? Или доблестный советский офицер? Так, как ты, рассуждают только демагоги, уходящие от ответственности! Ишь, куда хватил: опора на массы... У каждого своя работа, свой участок. Нам бы с тобой за себя ответить.

Он помолчал, хмуро о чем-то размышляя.

– То, о чем ты говоришь, Николай, это твои трудности. Мне результат нужен. Ты думаешь, мои и твои горькие слезы кого-нибудь интересуют в штабе армии? Там об меня ноги вытирают по твоей, Гайдамаков, милости.

Аргументы Самохвалова были для Николая обидны – он ведь и в самом деле не сидел без работы, с утра до вечера на ногах, в поиске.

– Мне одному город не охватить. Прошу, товарищ подполковник, вашей поддержки.

В другой раз Самохвалов после этих слов послал бы Гайдамакова далеко и надолго. Но тут его, наверное, сильно напугали упреки из штаба армии. Он и сам понял: помогать майору надо, иначе все неудачи спишут потом на него, на Самохвалова.

– Ты это о чем?

– Мне людьми бы помочь, товарищ подполковник. Понимаете, снайпер стрелял уже с четырнадцати чердаков. То есть надо подробнейшим образом опросить жителей четырнадцати домов. Может, хоть какая-то зацепка появится. Жильцы ходят туда-сюда, бабушки сидят у подъезда... Возможно, кто-то и заметил что-то подозрительное. Мне всюду не успеть.

Самохвалов повращал в раздумье глазами, приподнял и опустил лежащую на столе офицерскую фуражку и спросил голосом человека, у которого грабители забирают последнее:

– Но и сколько народу ты просишь?

Гайдамакову терять было нечего, и он, глядя прямо в глаза начальнику штаба, твердо заявил:

– Человек семь, грамотных офицеров.

Хитро-грустная усмешка сползла с хмурого лица Самохвалова и спряталась в толстых его губах, поросших двухдневной щетиной.

– Это где ж я тебе столько толковых людей найду в нашей пехотной дивизии? Ты да я, да мы с тобой, вот и все грамотные.

– Как где? В особом отделе, например. Там люди подготовленные. Они умеют дознание проводить.

Начальника особого отдела дивизии подполковника Шрамко, сидевшего напротив Гайдамакова, аж передернуло. Он вытаращил глаза, некоторое время сидел с распахнутым от возмущения ртом, потом взорвался:

– У меня в отделе восемь человек осталось! Во-семь! Все в отпусках и командировках. Нет у меня людей!

Самохвалов закурил папиросу, глубоко и сладко втянул дым в свою могучую грудь. Он уже принял решение, и это решение было не в пользу Шрамко.

– Ты, Николай, сколько домов обработал за это время?

– Только два и то не полностью...

– Вот видите, только два, а их четырнадцать. А времени осталось полторы недели до того радостного момента, когда нам оторвут неразумные наши головы и затолкают их в одно место вместо дынь. Догадываетесь, господа хорошие, в каких местах окажутся наши головы?

Он уставился на Шрамко и стал ставить ему задачу:

– Ты не сердись, Виктор Федорович, а в самом деле пойми: толковые сыскари только у тебя имеются. Я кого пошлю – взводного Васю Пупкина, так он всех людей перепугает, все расшлепает, а задачу не выполнит. В бой его можно, а на такое дело нельзя. – И обращаясь к Гайдамакову, попросил: – Николай, сформулируй задачу для меня и для Шрамко.

Гайдамаков разъяснил то, что необходимо было сделать:

– Действующий в городе снайпер является прекрасным стрелком. За все время он не допустил ни одного промаха, хотя огонь им велся в условиях темноты, тумана, с разных расстояний, до четырехсот метров. Прекрасно маскируется. За весь период никто из прохожих не заметил, откуда ведется огонь, никто не слышал звука выстрелов, значит, он использует глушитель. В сумерках никто не увидел вспышек, значит, он применяет какой-то хитрый пламегаситель. И до сих пор его никто в глаза не видел!

– Сколь народу он убил? – спросил Шрамко.

– Уже тридцать два человека.

Самохвалов присвистнул:

– Вот же, гадина! Половину роты грохнул. – Он сокрушенно покачал головой: – Надо бы в самом деле его найти и сделать дырку в башке. Он ведь не невидимка, в конце концов.

– Ясно, что не невидимка, – задумчиво произнес Гайдамаков. – Такой же человек, ходит среди людей.

– Ну и какую задачу ты мне ставишь, если все так сложно? – развел руками Шрамко.

– Задача простая: опросить максимальное количество жильцов всех четырнадцати домов. Особенно пожилых людей – они обычно самые внимательные и дотошные. Может быть, кто-нибудь вспомнит, не заходил ли кто-либо посторонний в подъезды их домов? Если да, то как он выглядит? Путь вспомнят и опишут их приметы, хотя бы что-нибудь, за что можно зацепиться. По каждому дому по результатам

опроса надо будет составить подробные справки и представить их мне.

Все помолчали, а Самохвалов оторопело спросил:

– Извини, Николай, лезу в детали, но что делать будешь с этими бумажками? По ним огонь откроешь?

– Если хотя бы в двух адресах появится чужой человек с одинаковыми приметами – это и есть снайпер. Людей надо будет еще раз опросить, выявить больше деталей: как выглядит, сколько примерно лет, какой рост, цвет волос, во что одет и так далее. Затем составляем портрет и ставим задачи «наружке» городских КГБ, МВД, войскам, дружинникам... В любом случае, снайпер, передвигаясь по городу, несет с собой оружие, скорее всего, собранное, но в руках у него должен быть удлиненный предмет, может быть, рюкзак или сумка. Это уже детали поиска. Их будем рассматривать подробно, когда это будет необходимо.

Самохвалов и Шрамко некоторое время смотрели друг на друга. Потом начштаба сказал одобрительно:

– Не зря ты, Николай, хлеб свой тяжелый кушаешь. – И обратился к Шрамко: – Ну, Виктор Федорович, задача нам с тобой поставлена. Приступай. Два дня тебе на все про все.

Когда вышли из кабинета, Шрамко почти с нескрываемой злостью прошептал:

– Ох, и подставил ты меня, Гайдамаков! Теперь дни и ночи вкалывать придется, а у меня куча дел была запланирована.

Николай развел руками и улыбнулся широкой виноватой

улыбкой.

Ее звали Линда, Линда Шварцберг...

Гайдамаков забросил свое офицерское общежитие и жил у нее. За годы после развода с женой он так устал от отсутствия рядом постоянной женщины... Все живое на этой земле может развиваться только если наличествует элемент парности, – самец и самка, мужчина и женщина. Даже сама Земля имеет два полюса. Без них наш земной шарик разбалансировался бы и летел в космосе хаотично. Без полюсов не было бы жизни.

Вот и Николай, живущий годами в сугубо мужских коллективах, заскучал по женщине, которая жила бы рядом. Жена, даже если она все время чем-то недовольна, вечно ворчит и вставляет шпильки – в любом случае вносит гармонию в суровую мужскую жизнь. От женщины пахнет уютом, чистотой и домашними пирогами. Наконец все это к Николаю Гайдамакову опять пришло.

Со службы он спешил к ней. Какая это все-таки радость – спешить туда, где тебя ждут! Еще в курсантские годы он сформулировал для себя трехсоставную формулу бытия, к которой всегда стремился: надо приходить туда, где тебя ждут, надо заниматься делом, без которого не можешь существовать, и надо жить там, где живет твое сердце.

В данной ситуации не все, конечно, совпадало с этой фор-

мулой, но от добра добра не ищут...

С Линдой ему было тепло. В однокомнатной квартирке на краю Крайска, которую снимала Линда, им было хорошо вдвоем.

По долгу службы Николаю много времени приходилось уделять поиску снайпера, орудовавшего прямо в городе, и он каждый день получал нагоняи. Тем не менее на работе он старался не задерживаться и, не взирая ни на что, каждый вечер был рядом с Линдой.

Линда была родом из портового города Клайпеда, что в далекой маленькой прибалтийской стране под названием Литва.

Нельзя сказать, что она была очень уж красива. Не зря говорят: в Прибалтике красивы только мужики, женщины – не очень. У нее были серые глаза, светлые волосы и не совсем правильные, слегка заостренные черты лица. Приплюснутые, плотно посаженные губы, тонкий, слегка удлиненный нос, излишняя скуловатость. Обычно женщины с такими лицами имеют затаенно-злой характер.

К Линде это никак не относилось. Да, с виду она была строга и тверда. Но это напускная строгость школьных учительниц математики. На самом деле, в домашней обстановке она была совсем другой.

Линда была с Гайдамаковым ласкова и нежна. Прекрасная хозяйка, она с удивительным изяществом и вкусом умела готовить всякие кушанья. Казалось бы, обычные ингредиенты:

картошка, колбаса, сыр, огурцы... А все это вместе с добавлением каких-то там приправ, да уложенное на красивых тарелках, да под чарочку хорошего вина, да под пластинку Анны Герман, под стереозвуки... Наверное, такая обстановка бывает в самых изысканных ресторанах, думал Гайдамаков и с искренней нежностью обнимал Линду.

А какие пельмени лепила и готовила она, какие у нее были душистые чаи и кофе, с какой сервировкой!

– Ты знаешь, – говорила она Николаю, – женщина все хорошо делает, когда у нее есть стимул, есть мужчина, ради которого можно стараться. А вообще женщины ужасно ленивы.

– Не верю, – возражал счастливый Николай, – не наговаривай на женщин. Это ты так говоришь, чтобы мне больше никто не нравился.

– Очень ты мне нужен, возомнил тут из себя! – хмыкала Линда и отворачивалась. Но сразу же поворачивала голову обратно, к нему, глядела Николаю в глаза и целовала его в щеки.

А потом прижималась к нему крепко-крепко...

У Линды Шварцберг было тяжелое детство. Происходила она из прибалтийских немцев. Род ее корнями уходил в рыцарей Ливонского ордена, владевших территорией нынешней Литвы и Латвии все Средневековье. Род был исторически богатым. В Клайпедском порту стояли и ходили в море четыре тяжелогрузных торговых судна, принадлежащих семье Шварцбергов. Это продолжалось до начала сороко-

вых годов, до присоединения Прибалтики Советским Союзом. Потом война. Дед и дядя, воевавшие на стороне немцев, погибли. Ее отец, служивший в германских частях «Нахтигаль», после войны попал в советский плен. Там и погиб. А всю семью, в том числе малолетнюю Линду, отправили в Казахстан. Там они пробыли до 1957 года, когда Линда уже ходила в русскую школу.

Теперь у нее есть сын, пятилетний Георг. Он живет в Клайпеде. Его воспитывает бабушка, Линдина мама, которая беззаветно любит внука, балует его и утверждает, что Георг – это копия ее покойного мужа Вальтера Шварцберга, замученного в русском плену.

Гайдамаков еще по учебе в спецшколе знал, что служба в «Нахтигале» означает службу в германских войсках СС. Дивизия СС «Нахтигаль» занималась в Прибалтике карательными операциями, борьбой с партизанами, расстрелами всех, кто боролся с фашизмом.

Николай, однако, не стал напоминать об этом Линде. В конце концов советские войска тоже не очень-то миндальничали в Прибалтике. Судьба Линды – тому подтверждение. Он не хотел беречь прошлое. Поди теперь разберись, кто был прав, кто нет?

И все же однажды он спросил:

– Ты, наверное, очень не любишь русских. Они принесли тебе столько беды...

Линда опустила голову, так ничего и не ответила. Потом

сказала:

– Не будем об этом. Мне с тобой хорошо.

Они лежали в кровати и вели долгие беседы.

Линда вспоминала, как совсем ребенком она любила стоять у окна их большой квартиры и глядеть на море. В ее детской памяти море – это огромный-преогромный синий мир, расчерченный белыми всплесками волн, по которым бегут разноцветные паруса и плывут белые пароходы с развевающимися над ними черными дымами. Над бескрайним синим морем висит ослепительный белый шар, раскидывающий по сторонам розовые брызги-лучики. А прямо над окном летает, кружит по небу большая серо-белая чайка, смотрит в ее окно и что-то кричит ей, Линде, что-то понятное и заманчивое, будто зовет с собой в синюю даль.

Еще она рассказывала, что хорошо училась в школе, успешно занималась каким-то спортом. Каким, так и не уточнила. Но сказала, что была серебряным призером республики, мастером спорта. Она мечтала заработать денег и вернуться домой к сыну и маме, которые ее очень ждут.

Она прекрасно играла на гитаре. На литовском языке пела длинные, протяжные, но очень мелодичные национальные зонги. Николай ничего в них не понимал, но изумлялся очарованию народной музыки и голосу Линды, манере ее исполнения. Оказалось, что когда-то она состояла в интернациональном ансамбле и в Казахстане успешно участвовала в музыкальных фестивалях.

Своим звонким, чистым голосом она выделялась среди своих сверстников и была солисткой хора. В платице, сшитой из обносков старшей сестры, она выходила на сцену перед хором и перед залом и, распрямив свое тельце, высоко задрав головку, пела советские песни. Особенно всем нравилась в ее исполнении песня про то, как среди веселых полей вьется тропинка, ведущая к школе. Потом для тех, кто хорошо учится, эта тропинка станет широкой, счастливой дорогой в огромную, радостную советскую жизнь.

Ей подпевал большой хор, стоящий позади нее, и ребята – немцы, прибалты, греки, поляки, евреи, русские, казахи – вслушивались в каждое ее слово и с готовностью дружно ее поддерживали.

Однажды на республиканском смотре ей вручили огромную грамоту, где указывалось, что награда вручается Линде Шварцберг «за пропаганду советской песни и советского образа жизни».

Ее мама всю ночь почему-то проплакала. Наверно, от радости за свою дочку. Ведь та была безусловно талантлива...

Николай был просто счастлив. Случайная встреча, мимолетные ощущения перерастали в сильные чувства. Гайдамакова это волновало и радовало. Наконец-то он обретал то, что давно подспудно искал.

Он лежал с ней рядом, а весь воздух вокруг был напоен весенними запахами, хотя весны на дворе не было. И весь мир был наполнен яркими вспышками, похожими на гроздья

салюта, и плыли повсеместно в воздухе разноцветные картинки, словно конфетные фантики из детства.

А где-то высоко-высоко в небе, посреди прозрачных перистых облаков, похожих на крылья светлого ангела, резвилась юная звездочка. Она на минутку сбежала из своей семьи – созвездия, чтобы пошалить в легком облачном пухе и позвенеть воздушным серебром.

– Похоже, я в тебя влюбилась, – сказала она вчера. – Как же я буду жить теперь без тебя?

– Ты не будешь жить без меня. Мы будем жить вместе, – Николай повернул к ней голову и поцеловал ее в краешек лба.

Похоже, и он в нее влюбился.

Им было хорошо вдвоем.

Снайпер знал, что за ним охотятся. Этого не могло не быть, потому что он убил уже много людей в этом городе. Все газеты и телевидение с утра до вечера кричали одно и то же: «Когда же военные, которых полно в Крайске, застрелят этого проклятого киллера, держащего в страхе все население?!» Матери опасаются выпускать детей на улицу, люди не выходят на открытые места, жмутся к зданиям, площади пустые. Который день напротив здания штаба армии толпятся демонстранты с плакатами. На них надписи: «Селезнев, убей убийцу!», «Генерал, защити наших детей и нас!», «Селезнев! Ты не умеешь воевать!»

Снайпер понимал что его действия сильно дестабилизируют обстановку, и без того чрезвычайно сложную здесь. Неспособность избавиться от дерзкого снайпера, повсеместно убивающего людей, резко расшатывает авторитет политической и военной власти в регионе.

Вероятно, задействованы большие силы, чтобы его нейтрализовать, говоря конкретнее – убить. Игры со смертью становились все опаснее.

Надо было уезжать, срочно уезжать. Но те люди, которые его наняли и которые платили ему деньги, хорошие деньги, все никак не давали санкции на прекращение контракта. Ему говорили: «Отработай еще неделю». Потом – еще неделю...

Угроз с их стороны не было, и, казалось, можно было бы уехать, но сумма, подводящая итоги контракта, была так значительна, и ее так хотелось получить! Чтобы потом долго вообще не думать о деньгах.

До сих пор снайпер не выявил каких-то явных признаков опасности, грозящей извне, не нащупал тайных подходов к себе со стороны контрразведки, милиции и военных, но он давно уже играл в прятки со смертью, а подобные смертельные игры всегда вырабатывают высокий градус осторожности и интуиции, и человек, не обнаруживая внешне ничего опасного, начинает четко осознавать: вокруг сжимается кольцо.

Такое чувство появилось, и снайпер действовал с утроенной осторожностью.

Руководители требовали, чтобы он не просто убивал жителей Крайска, а способствовал формированию ненависти к руководству города и республики, не способному защитить людей. Надо создавать социальную напряженность.

Снайпер свою задачу понимал хорошо.

Эту позицию он подготовил загодя, несколько дней назад. Место засидки было выбрано удачно – в старом доме, на краю города. Дом давно пошел на капремонт, но какие ремонты в такое лихолетье? Денег в городской казне нет совсем. Поэтому стоял он всеми брошенный, наполовину без окон, наполовину без дверей.

Крайний подъезд был закрыт на замок, ржавый замок на

никому не нужной двери. Снайпер нашел обломок металлической опалубки и легко отогнул старую петлю, приколоченную когда-то двумя мелкими гвоздями. Если закрыть дверь изнутри, то снаружи замок как висел, так и висит.

Снайпер посидел на скамеечке в соседнем дворе, почитал книжку. Отсюда были видны подъезды старого дома. Ничего подозрительного не заметил. Людей было мало. Время рабочего дня. Кто-то на работе, кто-то на учебе. Дождался, когда на улице не было ни души, пригладил пятерней волосы, тем самым поправив парик, и потихоньку побрел к «своему» подъезду. В такие моменты нельзя допускать никакой суеты: нервничать, оглядываться, торопиться или, наоборот, слишком медлить. К засидке надо идти нормально, как всегда, надо превратиться в никчемного, незаметного, ничем не примечательного человека. В нем и не было ничего примечательного: всклокоченные темные волосы, худощавый, низкорослый мужчина средних лет. Видавшая виды балахонистая куртка из твердой материи, старенькая бесформенная сумка, легкая сутулость говорили, что мужчина крепко потрепан жизнью и ищет места для непритязательного ночлега.

Бомжи никому не интересны...

На четвертом, последнем этаже, в полуразрушенной, обшарпанной квартире, он сел на сложенные в горку кирпичи у окна с выбитыми стеклами, достал из сумки детали и собрал из них винтовку. Поставил прицел, привинтил глушитель и посмотрел во двор. Двор был открытый, с редким кустарни-

ком. По задней оконечности двора проходил зеленый металлический забор, за ним метрах в сорока стояло коричневое трехэтажное здание.

Это был дом престарелых.

Людей во дворе было мало. Только гуляли по дорожкам, держась за локотки друг дружки две старухи, да на скамейке, что около дорожки, идущей от парадной двери в глубь двора, сидел толстый дед и играл с котенком, валявшимся на спине у его ног. Котенок кусал толстый дедов палец, и старик со счастливой интонацией ласково его ругал.

«Ну, с кого начнем?» – подумал снайпер, разглядывая эти сцены в оптический прицел.

Дед вдруг схватился двумя руками за свою ляжку, задрал подбородок и заорал так сильно, что, наверное, встрепнулся весь дом. Пуля раздробила ему бедренную кость.

– Ну, подбегайте мишени, подбегайте... – прошептал снайпер и опять приготовился к стрельбе.

Из парадной двери выбежал мужчина в белом халате. Он склонился над дедом, но уже больше не поднялся. Так и остался на коленях, простреленная голова упала на сиденье скамейки.

На помощь к ним прибежала одна из старушек, гулявших во дворе, и сраженная пулей упала на дорожку.

«Ну, на сегодня хватит, – спокойно подумал снайпер. – Шума опять будет достаточно».

Он не торопясь разобрал винтовку, уложил все в сумку, и

опять по улицам Крайска пошел неряшливо одетый, замызганный, сутуловатый, никому не нужный бомж.

Выстрелов никто не слышал.

А дед еще долго сидел на скамейке и дико кричал. К нему никто не подходил. Люди боялись попасть под огонь снайпера.

Это была тяжелая работа. Каждый день Гайдамаков с приданными ему контрразведчиками общевойсковой дивизии встречался и беседовал с десятками людей. Нужно было опросить жильцов 14 домов, расположенных в разных концах города. Всех не всех, но по крайней мере тех, кто оказался в наличии.

Картина складывалась нерадостная. В те дни, когда из этих домов стрелял снайпер, никто из жильцов ничего подозрительного не заметил, никого из приметных чужаков не увидел.

По прошествии двух отведенных дней Николай собрал с участников опергруппы докладные записки по каждому дому и полвечера внимательно, с карандашом в руках их изучал.

Доклады были обстоятельные, детальные, по форме, заданной Гайдамаковым. Номера квартир, установочные данные на всех жильцов, подробный отчет о проведенной беседе с каждым из них. Ничего особенного. Никто не видел человека, входящего в дом со снайперской винтовкой в руках. Это было бы идеально, но более того, никто не видел человека, входящего в подъезды ни с длинной сумкой, ни с рюкзаком, ни даже с удочками.

И только одна из бабушек, вечно сидящих на скамейках

у подъездов, запомнила, что в соседний подъезд заходил сутуловатый, невысокого роста мужчина с усами и черноволосый. Он нес в руке какой-то музыкальный инструмент в чехле. То ли гитару, то ли виолончель. Бабушка еще подумала: «А к кому это мужик с гитарой идет? Что за праздник, у кого? Ничего вроде ни у кого не намечалось...» Она ведь в доме знала всех. Поэтому и запомнила того мужчину.

В предпоследней докладной Гайдамаков натолкнулся на строчки, от которых спина покрылась потом. Мальчишка – жилец дома – выскакивал из подъезда и натолкнулся на молодую женщину, черноволосую, худощавую. На спине у нее, на лямках висел гитарный чехол...

Вот тебе и зацепка! Зафиксировано два случая вхождения в дома, из которых стрелял снайпер, людей с чехлами, в которых носят гитары. Очень большой процент того, что в этих чехлах находилась разобранная снайперская винтовка.

Надо срочно организовывать розыск! Где Шрамко, как его найти, уже вечер!

Гайдамаков помчался в штаб дивизии. Шрамко там уже не было. Николай нашел его дома. По выпученным глазам Гайдамакова начальник особого отдела дивизии понял: тот что-то нащупал.

– Но остынь, остынь... Рассказывай, снайпер.

Николай показал докладные. Шрамко, давно переставший злиться на Гайдамакова, миролюбиво пробурчал:

– Ну, видишь, все получается, как ты и предполагал. Есть

одинаковые признаки. Только почему приметы разные: в одном случае мужчина, в другом женщина? Он что, переодевается?

– Переодевается, – кивнул Николай. – На самом деле это, скорей всего, женщина стреляет. Женщине в мужчину легче переодеться, чем наоборот.

– Да, крахсворд-тиарема, мать их за ногу... – почесал затылок Шрамко.

Они посидели, покумекали. Решили с утра начинать полномасштабные мероприятия. Надо заряжать на поиск всю систему наружного наблюдения местных КГБ и МВД, оперативный состав, ориентировать агентуру и доверенных лиц, создать поисковые группы, назначить старших. Задача: путем физического поиска, постоянного негласного прочесывания города находить людей, переносящих средне- и крупногабаритные футляры для музыкальных инструментов, устанавливать их, отслеживать их маршруты, обо всех подозрительных случаях докладывать в штаб, который возглавит сам Шрамко.

Затем дотошный главный особист сказал:

– Николай, давай уточним твои задачи.

И Гайдамаков обрисовал, как он видит свои функции. Он возглавит мобильную группу, которая при поступлении информации о приближении «объекта с гитарой» к какому-то зданию немедленно выдвигается в этот район и на месте принимает необходимые меры.

– Какие такие меры? – спросил дотошный Шрамко.

– Я чужого снайпера в плен брать не собираюсь.

– Понятно... – удовлетворенно кивнул Шрамко.

Домой к Линде Николай вернулся совсем уже поздно.

Прошло четыре дня. Гайдамаков почти безвылазно находился в помещении особого отдела дивизии, дежурил. Звонков со всего города было много. Их принимал дежурный офицер. Снайпер надоел всем, и все задействованные люди работали со всей серьезностью. Поступавшие звонки были, правда, как правило, пустые, ерундовые. Например, сообщалось об обнаружении объектов не только с гитарными чехлами, но и с футлярами от скрипок, духовых инструментов, а то и просто с балалайкой, мандолиной и даже с флейтой в руках. Если нашему служивому человеку что-нибудь поручить, он будет очень стараться и такого может нагородить...

Было два случая, связанных с другими снайперами. Один стрелял с правого берега реки и тяжело ранил проходящего военного. По нему был открыт пулеметный огонь: повсеместно шли боевые действия и на случай провокаций на левом берегу через каждые двести метров стояли пулеметы... Результат огня был неизвестен, но снайперская стрельба на том участке прекратилась. Да и то правда: какой снайпер будет продолжать работать, если он обнаружен и если по нему бьют из пулеметов?

Другой снайпер, долговязый наемник из Прибалтики, попался по-дурацки. Спрятанную на чердаке его винтовку слу-

чайно нашли игравшие там школьники. Они сообщили о находке в милицию. Милиция устроила засаду...

Гайдамаков выезжал туда и убедился, что пойманный снайпер совершенно «сырой». Бывший разрядник по стрельбе. Его завербовали для поездки сюда, и он захотел заработать денег. Не успел... Нет, это не тот. Да и приметы не сходятся.

Серьезный сигнал поступил, когда Николай был на обеде. К нему прибежал посыльный от Шрамко и сказал, что вызов срочный. По растерянному виду ефрейтора Гайдамаков понял: надо в самом деле спешить. Не доев суп, он бросил ложку и мигом был у начальника особого отдела. Тот скороговоркой сообщил, что от милицейского агента поступил сигнал: черноволосую молодую женщину видели на улице Усевича. Она шла к домам, что стоят рядом с воинской частью. Следить за ней агент не решился, он ведь не специалист. В руке у нее был чехол от гитары.

Карта города уже лежала на столе. Шрамко ткнул пальцем туда, где видели женщину.

– Это здесь. Видишь, рядом казармы. Будет огонь по военным, из дивизии.

– Но тут три дома, поди разберись, где засидка. А когда ее видели?

– Сигнал поступил минут десять тому назад, даже восемь.

– Ну все, я этот район знаю, я помчался!

– Желаю удачи, – сказал Шрамко и пожал Гайдамакову

руку.

Минут через семь Николай на штабном уазике со своей маленькой опергруппой прибыл в район казарм.

Он понимал, что трем его операм не следует «светиться» перед казармами, и одному поставил задачу: наблюдать за домами со стороны казарм и стараться отследить в окнах или чердачных проемах появление снайпера, чтобы сразу дать об этом сигнал ему, Гайдамакову. Двоим он приказал подготовить табельное оружие и осмотреть в домах, сколько можно подъездов и чердачных помещений. При обнаружении снайпера задержать его или уничтожить.

А сам вытащил из салона уазика детскую коляску с уложенной в ней винтовкой и пошел «гулять с младенцем». По дороге, идущей вдоль тех самых трех домов. Дома были по левую сторону, а казарма по правую. Опер, наблюдавший за домами, шел по другую сторону металлического забора метрах в пятнадцати впереди, вдоль здания казарм и лениво поглядывал влево, на дома.

Николай не глядел по сторонам. Как «чуткий папаша» он был занят только «своим ребенком» и лишь косил взгляд на напарника, идущего справа.

Уже поравнявшись с проемом между первым и средним домом, опер вдруг остановился, повернулся налево и, став на корточки, стал завязывать шнурок. На его полуботинках не было шнурков и, Николай, понял: он что-то увидел. Напарник в самом деле поднялся и пошел назад, мимо него,

Николая. Поравнявшись, он негромко сказал:

– Средний дом, среднее чердачное окно. Готовится к стрельбе.

Гайдамаков как шел, так и продолжал движение. На ходу протянул руку «к ребенку» и снял винтовку с предохранителя.

Вот среднее окно на чердаке. Их всего три. Пока ничего не видно – проем глубокий, мешает боковина.

Средний дом был как раз напротив казармы. Возле нее два солдатика подметали двор. Наверно, по ним снайпер и будет стрелять.

Окно было открыто, и пока был виден только его край. Николай стоял и делал движения человека, готовящегося закурить: полез в карман, достал несуществующую сигаретную пачку, полез рукой во второй – за зажигалкой. Он стоял вполоборота к дому и оценивал обстановку. В сумраке показавшегося края окна смутно проглядывали манипуляции находящегося там человека.

Ага, вот! Из темноты приблизилось и четко обозначилось левое плечо человека. Лица не было видно – оно было за оконной боковиной.

Но двигаться дальше было нельзя: Николай тут же бы сам превратился в легкую, открытую мишень, а пока снайпер его не видел... Гайдамаков быстро достал из коляски свою винтовку, положил ее поперек коляски дулом к дому, встал на колени и мгновенно нашел в оптическом прицеле показав-

шею плечо снайпера. Нажал на спуск.

Дико закричала женщина, идущая по дорожке и несущая продукты из магазина. Она бросила сумку и громко крича, убегала от Гайдамакова. Подбежал напарник. Николай приказал ему:

– Охраняй винтовку! – И побежал к дому.

Там, около нужного подъезда, к нему присоединился один из двух оперов, которых он послал дежурить возле домов.

– Оружие к бою! – скомандовал ему Гайдамаков, и они забежали в подъезд.

Николай бежал впереди с пистолетом в руке и, прыгая по ступенькам, ждал: вот сейчас навстречу выбежит тот, по которому он стрелял...

Люк на чердаке был в потолке последнего этажа. Замок не висел и была надежда: сейчас они откроют люк и застигнут на месте того стрелка...

Но люк был заблокирован изнутри. Николай пытался открыть его сначала руками, затем плечами, но крышка не поддалась. Попробовал и напарник. Напрасно.

Гайдамаков понимал: уходит время. Снайпер их перехитрил.

Они выбежали опять на улицу, и Николай крикнул:

– Ты, в тот подъезд, я в этот. И будь осторожен!

Проникнув наконец на чердак, Гайдамаков сразу убедился в трех вещах: в том, что имеет дело с очень хитрым соперником, в том, что он его ранил, и в том, что это женщина.

Снайпер вошел через один крайний подъезд, а вышел в другой. Рана была серьезной. Около окна и вдоль цепочки уходящих следов на чердаке и в подъезде – везде капли крови. От удара его пули у стрелка с головы слетел черный женский парик и валялся здесь же на досках около оконного проема.

«Значит, у нее волосы другого цвета», – подумал Гайдамаков.

Мужчина с первого этажа подтвердил:

– Я заходил в подъезд, и меня чуть с ног не сбила молодая бабенка. Светлая такая. Представляете, несу в руках две бутылки пива, а она на меня вылетает. Сука! Одна бутылка выпала из рук. Хорошо не разбилась. Убил бы дуру!

– А как она выглядела?

– Да разве я ее разглядывал? Ну не толстая, совсем обыкновенная. Разозлился я на нее.

– В руках несла чего-нибудь?

– Что-то было у нее тяжелое на спине, не помню чего. А рукой она за плечо держалась. Вот так, – и он свою правую руку положил на левое плечо. – А так не помню я ее. Разозлила она меня, дура...

Сразу же состоялось совещание у Самохвалова. Начальник штаба дивизии сидел озадаченный. Выслушав доклад Гайдамакова и Шрамко, он закурил сигарету, подымыл, помолчал.

– Значит, баба, – сказал он задумчиво. – Да, навезли нам их из Прибалтики... Но по почерку это, похоже, та самая,

которая больше всех воду мутит, весь город держит в напряжении. Как вы думаете, братья славяне, та это или не та?

– Думаю, что та, – закивал головой Шрамко, – похоже, что та. По всему – похоже.

– Вот и я так думаю, – продолжал размышлять начальник штаба. – Хитрая сволочь. Наряжается, понимаешь, в разные одежды, усы клеит, парики меняет, то мужик она, то баба. Трудно такую поймать.

Он опять помолчал, насупился. Его что-то волновало.

– Что наверх докладывать? – выразил он наконец эту наболевшую мысль. – Мы же ее не нейтрализовали окончательно. Как там оценят нашу работу?

Тут в разговор вступил Гайдамаков.

– Думаю, товарищ подполковник, она сейчас какое-то время лечиться будет. Рана, по всей видимости, тяжелая. Поэтому стрельба в городе должна прекратиться. Сейчас будет затишье, и начальство это сразу почувствует.

Шрамко закивал головой, а Самохвалов подытожил:

– Ладно, товарищи военные, за работу хвалю, ваш героический труд Родина не забудет. – И, улыбнувшись, добавил: – И я тоже.

Потом Шрамко пригласил Николая к себе в кабинет. Там он сначала дал команду подчиненным контролировать все медицинские учреждения на предмет обращения к ним молодой женщины по поводу ранения плеча, а потом закрыл дверь, открыл сейф, вытащил оттуда бутылочку «Хеннесси»,

и они выпили по две рюмки «За нашу великую Родину» и «За победу над врагами».

Возвращаясь домой, в хорошем настроении, Николай думал: «Эх, жалко Линде нельзя ничего рассказать». Она бы порадовалась его успеху.

Но дома никого не оказалось. Постучала в дверь соседка и сообщила, что ей на работу звонила Линда. Просила предупредить Николая, что уехала домой за товаром, появится через несколько дней.

«Странно... – подумал он. – Она вроде не собиралась уезжать».

Хотя, торговля – дело непредсказуемое. Может быть, нахлынули покупатели, все раскупили, и вот надо ехать за новой партией. Уснул он со светлыми мыслями о Линде, о их будущей совместной жизни. Он сильно полюбил эту женщину.

У нового командующего российской армией появился могущественный враг, последовательный и коварный. Враг в лице президента отколовшейся от Советского Союза республики, которого Селезнев публично назвал фашистом и обвинил в организации геноцида.

Он ненавидел генерала и за то, что тот бесцеремонно и как бы походя унизил его, президента признанного мировым сообществом государства, изощренного, мудрого и хитрого политика, выкованного в горниле смертельной партийной тусовки, выжившего в безжалостных играх большой советской политики, лишил того, что ему по праву принадлежало – этого большого и богатого куска территории, на котором лишь по недоразумению проживали ничтожные и глупые люди, не понимающие своего счастья... То, к чему он так долго шел, ради чего он врал, лицемерил, обманывал, за что он воевал – вдруг у него нагло, стремительно и цинично отнял этот молодой генерал, хам с диктаторскими замашками. Отнял, а потом еще и опозорил на весь мир...

После долгих и тяжелых раздумий президент вызвал к себе в кабинет министра госбезопасности. Когда тот пришел, он отвел его в комнату отдыха, усадил в кресло, достал из шкафчика графин молдавского коньяка, сам налил в хрустальные бокалы. Они молча выпили, потом ушли на бал-

КОН...

Линда Шварцберг находилась в лазарете маленькой инженерной воинской части, расположенной на правом берегу. В целях конспирации ее не могли положить в общую палату вместе с другими больными и ранеными. Палатой для снайпера послужило наспех переделанное помещение для медицинского оборудования, находящееся в торце второго этажа лазарета. К Линде никого не пускали. Поэтому лежала она посреди старых капельниц, каталок, висящих и лежащих медицинских халатов, шкафчиков с лекарствами.

Боль в левом плече стала проходить. Пуля снайпера, ранившая ее, прошла по мягким тканям, лишь слегка задев верх лопатки. Несколько дней назад ей сделали операцию, теперь каждый день меняли повязку. Светлые волосы ее были не убраны и лежали на подушке рассыпанные, разметанные. Ей ничего не хотелось делать – ни есть, ни пить, ни разговаривать, даже пригладить свои волосы не хотелось. Левая рука ее безжизненно лежала вдоль тела, правая – поверх одежды на талии. Под подушкой находился многозарядный испанский пистолет «Астра», способный стрелять очередями натовскими патронами калибра девять миллиметров. Это на случай внезапного нападения. Она живой никому не дастся, ей нельзя попадать в плен! Она слишком много знает и много натворила... Казалось бы, обстановка безопасная – ее по-

стоянно охраняют сотрудники службы безопасности. Но она убила слишком много людей...

То, что за ней идет охота, было очевидным. Об этом красноречиво говорит последний случай, когда снайпер противника не дал ей выстрелить по военным. Ее выследили. Ее практически загнали в угол. Скорее всего, она прокололась на подходе к месту засидки. Значит, по каким-то признакам ее опознали, нашли в этом немаленьком, в общем-то, городе. В любом случае понятно: охота за ней, широкомасштабная охота, идет по всему Крайску. Понятно и то, что работать там ей больше нельзя. Это очень опасно.

Надо уезжать!

Где же она прокололась? В чем? Когда? Она всегда так внимательно относилась к вопросам маскировки, так тщательно продумывала каждый раз свою внешность, училась быть то бомжом, то инвалидом, то старухой, то мужчиной средних лет. Сообразно новой роли меняла парики, одежду, накладывала усы, бороды. Каждую роль всегда репетировала, словно театральная актриса.

Очень внимательно изучала подходы к местам, откуда будет вестись огонь, и поэтому всегда уверенно и безошибочно проникала к своей позиции и так же просто и надежно уходила в город. Она ни разу дважды не устраивала засидку в том месте, откуда уже стреляла.

Все и всегда было продумано до деталей, никогда не было сбоев. Тогда почему ее выследил тот снайпер? В чем-то она

ошиблась. Его выстрел конечно же не был случайностью. Он искал ее и нашел. И в силу того, что противник свою работу не закончил – не убил ее, это означает, что дело свое он будет продолжать. И не остановится, пока не завершит...

Надо уезжать, надо срочно уезжать!

Свободная охота закончилась, началась игра со смертью. И в эту игру ей играть не хотелось.

Вопросы были мучительными, потому что на них не было ответа.

На пути к дому были препятствия, которых никак не избежать. Например, сроки контракта. Они пока что не закончились, и люди, заключившие соглашение с ней, безусловно, будут настаивать на продолжении работы. Она ведь в самом деле результативна как снайпер. И потом, всю сумму, как это обговорено в условиях контракта, она получит лишь по завершении работы, как по срокам, так и по результатам. О результатах можно не волноваться, она уже убила столько людей, сколько было обусловлено, но сроки... Деньги можно получить лишь по окончании этих сроков. То есть через месяц и семнадцать дней.

Надежда одна – на переговоры с представителем «заказчика», на то, что они пойдут ей навстречу в связи с выполнением обговоренных требований и конечно же в связи с ее ранением.

Она запросила о встрече с представителем и теперь ждала его, лежала и ждала.

Еще мучили ее две темы, две теплые занозы, неизбывно живущие теперь в ее душе.

Одна – это мысль о ее радостной печальке, маленьком сыночке Георге, живущем так долго без матери с бабушкой в городе Клайпеде. Линда за все это время почти совсем не общалась с матерью – это очень опасно, все линии связи прослушиваются. Как они там? Здоров ли Георг? Как дела у мамы с вечно мучившими ее суставами?

И еще ее очень сильно занимали мысли о Николае. Этот молодой мужчина жил с ней и жил в ее сердце. Такое ощущение, что он искренне к ней привязался... И она к нему тоже. Похоже, что они сложились как пара. Они решили объединить свои судьбы.

Николай занимается снабжением в какой-то воинской части, много времени уделяет своей работе, но работа эта его не слишком-то занимает. Решено, что они будут жить вместе и уедут отсюда. Может быть, домой к Николаю в подмосковный город Железнодорожный (этого хочет он), а может быть, к ней в Клайпеду (этого хочет она). А может быть, будут жить там и там.

Как он теперь? О чем он думает? Не подозревает ли ее в чем-нибудь? Хотя вряд ли, он ведь совсем простой. Обыкновенный. Он снабженец, а не шпион какой-нибудь. Это и хорошо.

Она полюбила Николая, как юная глупышка, и это наполняло ее жизнь светом... и надеждой.

Уже под вечер в дверь ее палаты постучали.

«Наверно, это он, “заказчик”», – подумала Линда. Она очень хотела, чтобы это было так. От этой встречи многое зависело.

И вот он вошел к ней в палату. Обыденно, почти по-свойски. У сотрудников, наверное, всех спецслужб мира есть особенность: они входят в любую обстановку, в любое общество и сразу как бы сливаются с ним, словно давно жили здесь, работали, общались. Как- будто покурить вышли и вот вернулись.

– Здравствуйте, Линда, – сказал он буднично и миролюбиво. – Вот, вы какая, красивая. Столько о вас наслышан.

Он поднял стул, стоящий у стенки, и приставил его к кровати. Сумку, которую принес, придвинул к ногам.

– Так вы совсем здоровы! Выглядите прекрасно. Пора вставать, матушка, пора вставать, за дела браться. Хватит бочка отлеживать, хватит.

Он сел, внимательно оглядел палату, представился:

– Меня зовут Игорь.

– Почему у вас русское имя?

– Как вы догадываетесь, у меня несколько имен. На каждый случай – разное. Но Игорь – настоящее. Так меня звала моя покойная мама. Она русская.

– Вот почему у вас такой блестящий русский...

– Еще и потому, что я закончил Ростовский университет. И долго жил в России. Мы ведь до недавнего времени были

одной страной, – он усмехнулся. – Свое имя я скрываю вынужденно, но вы ведь тоже здесь находитесь не под своим настоящим именем, не так ли? Впрочем, не будем об этом. Так и должно быть.

Как и у многих разведчиков, у него была усредненная, незапоминающаяся внешность. Ничего приметного: средний рост, правильные, но ничем не выделяющиеся черты лица, легкая худощавость, негромкий голос, русые волосы. Пройдет мимо – и нечего вспомнить.

У него спокойный, но твердый, уверенный взгляд.

«Наверно, он хороший разведчик», – подумала Линда.

Игорь поднял с пола на колени сумку, расстегнул неторопливо молнию и стал доставать из нее фрукты, какие-то пакеты, шоколадные плитки...

– Зачем это, зачем? – замахала рукой Линда. – Что это вы, право, так много всего...

– Это чтобы вы поскорее поправлялись. Вы нам очень нужны.

Последняя фраза резанула Линде сердце: ей совсем не хотелось быть «очень нужной» для грязной работы бесконечно чужой разведки. Известно ведь: там, где действуют спецслужбы, всегда стоит запах дерьма...

Потом он достал из нагрудного кармана конверт с деньгами, наклонился и подсунул его под подушку, под ее голову.

– А это за прошедший месяц и маленькая премия за ударную работу.

– Спасибо, я вам благодарна, – сказала Линда и закрыла глаза.

Он поерзал на стуле, как бы втерся в него, откинулся к спинке, принял удобную позу и спросил:

– Ну, так зачем мы вам понадобились, Линда?

И она сказала ему, что выполнила тот объем работы, который был обозначен в контракте. Теперь она хотела бы получить всю сумму, положенную ей по договору, и уехать домой. Что ее ждет маленький сын и старенькая мама, что за ними нужен уход и что она устала от нервозности...

Кроме того, она поведала Игорю и то, что за ней идет охота, и у нее больше нет возможности работать в нормальных условиях. Она просила отпустить ее: она очень боится за свою жизнь. Тем более что она ранена...

Игорь какое-то время молчал. Потом он высказал то, что приготовил к встрече с ней. Умный, опытный разведчик, он не мог не догадываться заранее, о чем пойдет речь, о чем может просить его эта молодая, уставшая от убийств, перепуганная войной женщина. Конечно, о желании быть со своей семьей, с любимыми людьми, о стремлении скорее покончить со своей грязной работой, получить деньги и уехать...

Это так понятно по-человечески.

– Вы, Линда, оказались для нас сущим кладом. Вы – самый результативный наш работник. По результатам ваших рейдов в Крайске начался настоящий бунт. Люди оказались беззащитны перед вами, а власть и военные не смогли их за-

щитить. Вы просто молодец. И мы безусловно пойдем вам навстречу.

Глаза Линды вспыхнули надеждой.

– Но не сразу, не сразу, – добавил он.

Игорь положил руку на краешек кровати и глянул на Линду с просящей, почти заискивающей улыбкой.

– Есть одно маленькое дельце. Мы бы очень хотели, чтобы вы его завершили. И тогда мы не будем возражать против досрочного прекращения контрактных отношений.

Линда отвернула голову к стене. Она поняла: сейчас ее будут втягивать во что-то очень серьезное и опасное. Под одеяло, в тело проник откуда-то ледяной холод, опалил морозом. Таким ледяным бывает страх, смертельный страх.

Она уже давно играла в прятки со смертью, а такие игры вырабатывают предчувствие опасности, которое среди людей называется интуицией. Именно это чувство застучало молоточками в висках, заставило быстрее и сильнее биться сердце. Оно ей подсказало: если она откажется, то уже никогда не вернется домой. Сколько на этой войне безвестных трупов, найденных на пустынных обочинах безлюдных дорог? Она может стать одним из них. Она уже слишком много знает, ее нельзя отпускать обиженной.

Линда повернула голову к этому вполне радушному, но безусловно безжалостному человеку.

– Я не отказываюсь, но нельзя ли поконкретнее?

Игорь вполне искренне и добродушно улыбнулся:

– С вами так приятно работать... Мы не сомневались, что обо всем сможем договориться.

Он остановил разговор и вдруг полез в боковой карман. На удивление Линды достал из него не пистолет, не гранату (что еще могут носить в своих карманах шпионы), а конфету – карамельку в обертке. Аккуратно развернул ее и положил в рот:

– Извините, когда немного волнуюсь, ем конфеты.

И наконец перешел к главному, к самому главному:

– Понимаете, Линда, страна, которой вы помогаете, давно стремится вернуться в Европу. У нас много союзников, и этот процесс шел довольно гладко. До недавнего времени...

Он поморщился и посмотрел перед собой с выражением чрезмерного недовольства. Так смотрит воспитательница детского сада на ребенка, допустившего шалость.

– С недавних пор интеграционные шаги практически остановлены. Многие опять с вожделием стали смотреть на Россию.

Игорь был откровенно возмущен. Он развел руками, потом хлестнул ладонями по коленкам.

Линда молчала. Она была в недоумении: почему этот человек так театрально себя ведет? К чему эти прописные истины, подаваемые так пафосно? Потом сообразила: он ведь разговаривает с женщиной... В представлении многих мужчин все женщины – полные дуры. Волос долог – ум короткий. А, может, просто закомплексованный чудака, которому

в жизни не повезло, и он не научился общаться с женщинами...

— Ну а я-то чем могу помочь? Я ведь не дипломат, не политик.

— В том-то и дело, что можете, — щелкнул пальцами Игорь. Он оживился, повеселел и стал проще. — Понимаете, Линда, у русских есть генерал. Такая заноза, такая заноза... Он смертельно оскорбил и высмеял на весь белый свет президента, расстрелял из пушек и танков множество людей и техники. Фактически уничтожил почти весь военный потенциал этой страны — нашего союзника. В результате ее правительство крепко обкакалось и вновь начинает стремиться в объятия Москвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.